

Лариса Петухова

**Пространство Хрустальных
Дворцов**

Роман - фэнтези

Лариса Петухова

**Пространство Хрустальных
Дворцов. Роман -фэнтези**

«Издательские решения»

Петухова Л.

Пространство Хрустальных Дворцов. Роман -фэнтези /
Л. Петухова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856170-2

— А где же Город Ангелов, летающий в воздухе? — подумала я.— На земле говорят, что все дороги ведут в Рим, — сказала моя бабушка, как всегда подслушав мои мысли, — а здесь, в этом месте, все дороги ведут сюда — к этим Дворцам, потому что это — Энергетический Центр Вселенной. И дорог этих несчетное количество. Сейчас мы просто выбрали другую. В романе «Пространство Хрустальных Дворцов» героине, чтобы разобраться со своей жизнью, пришлось отправиться в свою прошлую реинкарнацию.

ISBN 978-5-44-856170-2

© Петухова Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 Ляля	6
Глава 2 Полина	19
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Пространство Хрустальных Дворцов Роман -фэнтези

Лариса Петухова

© Лариса Петухова, 2023

ISBN 978-5-4485-6170-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 Ляля

Она шла прямо по небу – стройная, высокая, в простой домотканой длинной накидке, которая начиналась с головы в форме капюшона, прикрывала все ее тело и заканчивалась широким шлейфом, спокойно плывущим сзади нее по легким весенним облакам. Длинное платье из того – же материала и такого – же светло – кремового цвета – было свободным, скрывало ее фигуру и при этом было все равно необыкновенно женственным. Маленькие босые ноги ступали легко и уверенно. Прекрасное лицо, обрамленное длинными русыми волосами, было слегка наклонено вниз, большие светлые глаза, прозрачные, как родниковая вода, с любовью смотрели на маленькую золотоволосую кудрявую девочку, которую она несла в руках.

Сойдя с небес прямо на мой балкон, она отодвинула свободной рукой тюлевою белую занавеску, висевшую на двери, вошла в мою комнату и молча протянула мне дитя...

– Ляля, вставай, – вдруг раздался мамин голос из соседней комнаты, – опоздаешь в институт, будильник уже минут десять как прозвонил.

Я проснулась, села в кровати и посмотрела на балконную дверь. Занавеска слегка раскачивалась – оттого, что до нее только что кто – то дотрагивался или от чуть заметного ветерка, залетавшего в комнату с улицы?

– Что это сейчас было? Неужели это сон?

Я привычно в очередной раз улетела в небеса, в мои фантазии, забыв о будильнике, институте, реальном мире за окном и вообще обо всем. Я опять стала думать о том, что такое вообще это странное явление, которое мы называем сном? Кто он этот таинственный киношник, который берет на себя труд крутить перед нами почти каждую ночь иногда непонятное и нелепое, иногда волшебное и совершенно потрясающее живое кино?

Прекрасная Дева только что принесла мне маленькую девочку. Что это может обозначать? Кажется, девочка – это диво, чудо. К чему бы это? Как бы то ни было, сон был необыкновенно реален. Я даже помнила запах волос Богини, до сих пор четко видела ее живые нежные руки и ее пристальный взгляд, которым она на одно только мгновение одарила меня.

Как все это могло войти в мое воображение, в мою жизнь? Или по другому: как я могла там оказаться – там, где живут Боги и Ангелы, и чувствовать себя при этом совершенно нор-

мально, как будто так и должно быть? Мне – бы очень хотелось когда –нибудь с этим разобраться... Но не сейчас.

Сейчас я была ужасно занята здесь – в этом реальном мире – и была просто обязана четко чувствовать твердую почву у себя под ногами!

До начала сессии оставалось совсем немного времени, я последние две недели практически жила в читальном зале институтской библиотеки. В одну сессию было два огромных по объему предмета: русская литература 19 века и зарубежка того – же периода. Многие книги на дом не выдавали, приходилось читать их прямо в библиотеке. Домой возвращалась очень поздно, так как после института шла к Иннке и там, уткнувшись вдвоем в одну критику, мы старались хотя бы по учебнику получить хоть какое – то представление о произведениях, которые прочитать до сессии все равно не удастся. И так каждый день. А еще языкознание и история КПСС!

Но несмотря на все это – на улице стоял май. Май 1979 – го года. Прекрасный, любимый, радостный месяц, когда в Херсоне начинали цвести каштаны и их благоухание заполняло весь город, врвалось в открытые окна домов, заходило в распахнутые двери кафе, проникало в троллейбусы, магазины, учреждения.

Днепр был прозрачным, чистым, манящим; пройдет каких –нибудь пара недель и уже можно будет ездить на Остров в гидропарк – купаться!

– Господи, какая прелесть этот май, – думала я, застегивая босоножки и одновременно рассматривая себя в большом зеркале нашей прихожей, – скорей бы сдать экзамены и все – свобода от института почти на три месяца и долгожданное лето!

В это время из зеркала на меня лукаво смотрела высокая, стройная, милая девушка с длинной светлой косой и непослушной челкой, сбившейся набок, со светло – карими глазами. Модная короткая мини – юбка и новые босоножки на высокой платформе делали и без того длинные ноги еще стройнее, светло – зеленая, цвета молодого весеннего яблока, водолазка в резиночку обтягивала высокую грудь и тонкую талию. Я радостно подмигнула своему отображению, затем критично и внимательно еще раз рассмотрела его со всех сторон и наконец убедилась, что жизнь прекрасна!

Успела заскочить на заднюю площадку троллейбуса, когда тот уже практически отъезжал от остановки, впопыхах поправила волосы, перевела дух и осмотрелась.

– Лялька, – вдруг услышала чей то голос где – то рядом, – иди сюда, здесь есть свободное место.

– Господи Боже ты мой! Да это же Леша Полуэктов! —

сердце бешено заколотилось, я даже подумала, что его удары слышали сейчас все окружающие меня люди, благодаря часу пик тесно прижатые здесь в троллейбусе друг к другу. Незаметно оглянулась – да нет, кажется ничего, каждый занимался своим делом – а именно: по возможности устраивался поудобней в переполненном утреннем городском транспорте. На меня никто не обращал внимания, разве что рыжеволосый худенький высокий парень, как всегда стоявший у заднего окна и как всегда пожиравший меня пристальным взглядом. Но к нему я давно привыкла. А так ничего, все спокойно. Стала искать глазами обладателя фразы, прозвучавшей только что в мой адрес. Или не в мой? Или в троллейбусе была еще одна Лялька? Да это вряд ли, имя у меня какое – то детское, прилипшее ко мне еще с детского сада благодаря моей лучшей подруге Иннке, которая знакома со мной еще с тех времен. А может не было в троллейбусе никакого Лешки и это опять загадочный и счастливый сон? И тут я почувствовала прикосновение к моей руке сильной мужской руки, как выяснилось через минуту – его руки.

Алексей, оказывается, сидел совсем рядом со мной, на самом последнем – заднем – сидении и совершенно непонятно каким чудом место рядом с ним было свободно!

– А, – догадалась я, – это проделки моих Ангелов.

Властная рука подтянула меня к загадочному свободному сидению, никто из пассажиров, как не странно, не возражал, я тоже не сопротивлялась.

– Здравствуй, Леша, – сказала я человеку, в которого была долго и безнадежно влюблена и которого увидела и почувствовала так близко сейчас впервые в жизни. Он не удивился, что я знаю его имя, нет в институте ни одной девчонки, которая бы его не знала. И ему это хорошо известно.

– Привет, Елизавета, ну вот мы и познакомились, хотя мне всегда казалось, что это нереально.

– Почему нереально, ты что такое говоришь? – я уже пришла в себя и даже решилась посмотреть прямо в его глаза.

– Ну потому, что в тебя влюблены чуть ли не все парни на нашем курсе, а ты почему – то ни с кем не встречаешься.

Знал бы ты, Лешенька, почему я ни с кем не встречаюсь.

Леша Полуэктов – это моя несбыточная мечта. Я поняла это в тот момент, когда впервые увидела его в институте сразу после поступления – почти три года назад. Он вел за руку по институтскому коридору прямо мне навстречу симпатичную веселую девчонку с короткими курчавыми волосами. Они оживленно о чем – то спорили и смеялись, было видно, что предмет спора доставляет обоим огромное удовольствие.

Этот парень поразил меня с первого взгляда. Высокий, стройный и сильный, с очень светлыми прямыми волосами и серыми внимательными умными глазами. Очень похож на Олега Видова из «Всадника без головы».

Поравнявшись со мной, парень с интересом взглянул мне в лицо, и глаза наши на мгновение встретились. Я влюбилась в него сразу, не задумываясь и не взвешивая мои шансы на взаимность.

Это было около трех лет тому назад. С тех пор ничего не изменилось. Леша Полуэктов по – прежнему встречался с Аленой Бехтеревой с биофака, а я по – прежнему любила только его.

Ничего не значащие фразы о погоде и сессии, о переполненном троллейбусе и скорых каникулах – обычный диалог только что познакомившихся людей. Но мне он совсем не казался обычным. Ведь я уже несколько минут слышала рядом с собой любимый, характерный только ему одному, голос с хрипотцой. И совершенно не важно, о чем он говорил, только бы продолжал.

– Передайте, пожалуйста, деньги на билет, – подала Алексею монету только что зашедшая в троллейбус девушка.

Гораздо легче и проще было бы повернуться назад и вручить деньги сидевшему за спиной Алексея гражданину. Но парень почему – то протянул руку с монеткой ко мне, вложил деньги в мою ладонь и на минутку сжал мою руку.

– Передашь? – спросил меня серьезно.

– Конечно.

Монета уже бежала по троллейбусу, переходя из рук в руки, вперед, к водителю, а Лешина рука до сих пор сжимала мою. Я старалась не дышать.

– Что это?

Леша сам не знал, что сейчас происходило и что он со мной делал. Только несколько человек в институте знали о моем даре. Алексей в их число не входил.

С раннего детства, сколько себя помню, я обладала способностями, которые никто и никогда мне и моей маме объяснить не смог. Меня показывали известным в городе психологам и лучшим педиатрам, мама тайком водила меня в церковь и надо мной священник производил какие – то непонятные мне манипуляции. Меня даже отвели к бабке, хотя мои родители никогда в них не верили. Ничего не помогло – мой странный дар никуда не исчез.

Иногда в некоторые совершенно независимые от меня моменты, когда ко мне случайно или намеренно вдруг кто –нибудь прикасался, передо мной открывались реальные живые картины из прошлого или будущего этого человека. Я не имела понятия, почему это происходит, не могла знать заранее, когда именно это повторится в очередной раз и тем более не могла это озарение вызвать умышленно.

Но вот только когда эти картины передо мной появлялись, я точно знала, что они совершенно реальны. Это было похоже на кадры кинофильма: они не могли появиться ниоткуда – кто – то когда – то их записал на эту киноплёнку. А сейчас у меня к ней почему – то появился доступ. Меня эти видения не обманули ни разу в жизни. Они обязательно исполнялись в будущем, если пришли ко мне из будущего или непременно когда – то произошли в прошлом, если они родом оттуда. Это было многократно проверено.

И вот сейчас Алешкина рука, неизвестно почему так долго и так бережно сжимавшая мою руку, открыла передо мной очередную загадочную картину из будущего. И что поразило меня больше всего и от чего я чуть ли не сошла с ума – из нашего общего с ним будущего!

– Боже мой, Лешенька, что – же мне со всем этим теперь делать? – мысленно спросила я его.

Но не получила ответа. Он не умел читать чужие мысли. Не все в этом мире обладали моим даром.

Мы подъехали к институту.

– Пока, – сказала я.

До встречи, – ответил он.

На лекцию по современному русскому был собран весь наш курс – более ста человек, потому что читал ее Борис Иванович Ковалев – ректор института. Я обожала его лекции. Но сейчас мне было не до него.

Когда я влетела в аудиторию минуты за две до звонка, Иннка, которая, как всегда, забралась на самый верх и сидела вместе с другими двумя моими подругами в последнем ряду амфитеатра, поднялась и энергично замахала мне рукой.

Я стала пробираться к ним, переступая через две ступеньки, что было не совсем удобно в моей мини – юбке.

Иннка Печкурова – моя лучшая подруга. Более разных и не подходящих друг другу людей, чем мы с ней, представить себе было просто невозможно. Но мы не могли существовать друг без друга.

Иннка была очень красива и знала об этом. Она обладала просто сногшибательной фигурой, короткими каштановыми волосами, длинной, как у Нефертити, шеей, идеальными чертами лица. Иннка была чрезвычайно уверена в себе, иногда переходила границы и становилась высокомерной. Время от времени меня это напрягало, я психовала и переставала обращать на нее внимание. И тогда она опускалась на землю и наша дружба, как ни в чем не бывало, шла своим чередом.

Слева от нее сидели последовательно две другие мои подруги – Тома Заринская и Наташа Михайлова. Обе как всегда были в своем стиле: Томка лихорадочно списывала с конспекта подруги прогулянную вчера лекцию по зарубежке, а Михайлова тоном назойливой старшей сестры читала ей нотацию за безалаберность в учебе. С этой сцены начинался чуть ли не каждый мой учебный день в институте. Я, да и мы все, давно к этому привыкли и на Наташкины

педагогические старания не обращала внимание не только Томка, но и никто другой из нас. Для прогульщицы это был раздражающий, но все – таки обязательный звуковой фон, который надоел до безумия, но от которого все – равно никуда не деться. По – этому она делала над собой нечеловеческое усилие, изображала на своем симпатичном личике умный и виноватый вид и заискивающе улыбалась Наталье. При этом, как нам всем было прекрасно ясно, основной ее задачей было – ни в коем случае не сбавить темп и успеть скатать конспект до окончания лекции Бориса Ивановича, потому что сразу за ней – практическое занятие по зарубежке. Лариса Ивановна сегодня точно будет проверять конспекты – обещала вчера на лекции.

Томка с Наташкой дружили с детства, еще со школы. Они учились в одном классе и сидели вместе за первой партой у окна все десять лет учебы. Наверное, для контраста мы теперь в институте все вчетвером сидим всегда, как правило, на самом последнем ряду – автоматически, по умолчанию.

Наташа всегда и во всем была серьезной и правильной. Ее жизнь полностью размерена и гармонична. Все ее поступки были продуманы и логичны. Из – за этого ей никак не удавалось понять Томку и перестать ее перевоспитывать.

Михайлова была одного роста со мной и Инной. Она много лет занималась спортивной гимнастикой, из – за этого у нее были красивые мускулистые ноги и несколько более широкие плечи, чем хотелось бы. Стриглась Наталья очень коротко – под мальчика и красила волосы в ярко – белый цвет.

Томочка была единственной маленькой из нашей четверки. Но она была похожа на точечную статуэтку, была невероятно элегантной и сексопильной. У нее было детское милое лицо с короткими прямыми русыми волосами и большими голубыми глазами. Это необычное сочетание – ранней женственности ее фигуры и детской наивности лица – придавало всему ее облику необыкновенную привлекательность. Одевалась она лучше всех нас, так как имела старшую сестру – морячку и соответственно доступ в торгсин – магазин для моряков. Тамара пользовалась огромным успехом у парней и меняла их довольно часто.

Любовные приключения заставляли ее часто прогуливать институт, но несмотря на это и совершенно невероятным образом, она училась лучше всех нас. Трех дней на подготовку любого экзамена во время сессии ей вполне хватало для того, чтобы усвоить его полугодовой курс.

Я быстро поздоровалась со всеми и села возле Иннки на забронированное для меня место. Какое – то время внимательно за ней наблюдала, пытаюсь понять, что к чему. У Тамары с Натальей был их обычный утренний сценарий. А вот с Иннкой – то что? Какая – то она сегодня была не совсем обычная.

Не успела ничего у нее спросить, потому что она, как всегда, первой взяла инициативу в свои руки. Так как Тамаре с Натальей было не до нас, Иннка, забыв об их существовании, повернулась ко мне всем торсом, критически осмотрела меня с ног до головы и наконец сузив свои красивые светлые глаза с ехидной полу – улыбкой спросила вместо приветствия :

– Ну и что же это мы так сияем? Небось Полуэктов в любви объяснился?

– Пока нет, но дело идет к этому, – ответила ей я

Она, естественно, не поверила, да я и не настаивала. Я сама пока еще ничего не понимала, хотя надежда в сердце уже поселилась и на душе было ужасно радостно.

– Ну – ну, – задумчиво произнесла она, но сверкающие глаза при этом никуда не исчезли.

Я внимательно присмотрелась к ней, тут было явно что – то не то :

– Ладно, не томи, что там у тебя?

– Лялька, дорогая, мы с тобой через месяц едим в Карпаты! – радостно заявила мне моя подруга.

– Ты с чего это взяла? Почему вдвоем?

– Ну а с кем еще я поеду в Карпаты, если папа достал две путевки в студенческий лагерь? Меня одну он никуда не отпускает, а с тобой – другое дело, ты у нас правильная во всех отношениях и на хорошем счету у моей мамы.

– Ну вот еще, Иннка, – ответила ей, – я же в Ленинград к тете собиралась, я же тебе говорила.

– Лялечка, ну какой Ленинград, ты же каждое лето туда едешь, да и поедешь в августе, какие проблемы, тетя никуда не денется, а меня папа в лагерь одну не отпустит. И что я там делать – то буду без тебя, если подумать?

Иннка еще не закончила говорить мне все это, а я уже точно знала, что конечно – же поеду с ней в Карпаты и, как говорил один серьезный господин,: «Торг здесь неуместен.»

(Примечание – фраза из книги И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»)

У Иннки была патологическая любовь к Закарпатыю. Она там родилась и прожила до двух лет – до того момента, когда ее родители разошлись и мама увезла ее в Херсон. Но на протяжении всей Иннкиной жизни папа каждый год летом забирал ее к себе. Моя подруга целый год жила предвкушением этой поездки, покупала себе наряды – летние модные платья, юбки и футболки а также спортивную одежду и обувь – ходить в горы.

Мне иногда казалось, что ее чемодан был готов к летнему путешествию где – то в начале зимы.

В этом году папа не мог принять ее у себя в доме, где много лет жил с другой семьей, потому что на все лето уезжал на Урал в командировку. По – этому он купил дочери две путевки в студенческий лагерь.

****

Поезд Симферополь – Львов отправлялся с Херсонского вокзала в 9 – 30 вечера. В 8 часов со всеми вещами – новой небольшой дорожной сумкой и выдавшим виды рюкзаком моего брата за плечами – я была уже у Иннки в квартире. Договорились встретиться у нее – она жила в трех кварталах от вокзала.

– Кофе будешь? – вместо приветствия спросила Иннка.

– Ну давай, только недолго, времени – в обрез, – ставя вещи в угол прихожей, ответила я.

– Пошли на кухню, какой обрез? Еще целых полтора часа.

И вообще, не волнуйся ты так, не в Америку – же летишь, все будет нормально. Тебе кофе с сахаром?

Я кивнула. Она положила в чашку с кофе две ложки сахара, затем достала из холодильника открытую бутылку армянского коньяка и уже не консультируясь со мной, влила в мою чашку добрые полрюмки. А затем молча подала ее мне.

Ту – же процедуру проделала со своим кофе.

– Ну давай, за начало каникул! – Иннка поднесла свою чашку к моей, мы чокнулись. Я уселась поудобней на мое место у нее на кухне – между плитой и подоконником – мы с удовольствием потягивали кофе и молчали.

Я любила эти наши с ней посиделки на Иннкиной кухне и квартиру я ее любила. У нее было хорошо и уютно, она всегда была очень гостеприимна. Да и вообще мне казалось, что квартира ее меняла, сбивала с нее спесь, что ли. Иннка становилась более натуральной и естественной у себя дома и с ней было гораздо проще общаться. И еще – у нее в холодильнике всегда было что – нибудь вкусненькое, например, этот коньяк. Как они с мамой умудрялись так шиковать, для меня было загадкой, Иннка – студентка, а мама – рядовой советский инженер...

– Ну давай, рассказывай – что там с Полуэктовым? – немного охмелев, спросила Иннка.

– Да нет ничего с Полуэктовым, что вообще может быть с Полуэктовым? – ответила я и посмотрела во двор через окно ее кухни, лишь бы не встретаться с ней взглядом.

– Ну ты только сказки мне не рассказывай, я же тебе не Наташа Михайлова. Я давно вижу, что как – то все изменилось у тебя к нему, только вот не пойму никак – что. Ты какая – то счастливая все время ходишь, как будто знаешь о чем – то. Или в самом деле – знаешь? – вдруг Иннку озарила догадка и глаза у нее сузились.

– Знаешь, да? Ну расскажи мне, – попросила она.

– Не могу, – коротко ответила я.

Иннка сразу изменилась, глаза стали колючими и чужими, она молча подошла к окну, открыла его и зажгла сигарету. Она курила иногда, но редко – когда ей было очень хорошо или когда ее что – то бесило.

Я не хотела омрачать наш отъезд и по – этому в сотый раз ей начала объяснять, что не могу, не должна, не имею права никому ничего рассказывать о моих видениях. Я поняла это давно, еще в детстве, интуитивно почувствовала, что видения эти нужно держать в тайне, чтобы не повлиять на судьбу человека, к которому они относятся, не навредить, в общем. Потому что, скажем прямо – это не совсем нормально – знать будущее.

– Ладно, проехали, – Иннка закрыла окно и потушила сигарету. Сигарета, как всегда, ее успокоила. Или мои объяснения. Скорее всего и то и другое.

– Странная ты, Лялька, – немного помолчав, сказала моя лучшая подруга, – честное слово – не от мира сего. Вот мне бы твою силу, я бы тогда разгулялась.

– Да ты и так разгуляешься, кто же, если не ты?

Эти слова мгновенно изменили ситуацию, на щеках у Иннки появился румянец, глаза начали блестеть.

– Ты что имеешь в виду? В моей жизни намечаются изменения? У меня кто – то появится в ближайшее время?

– Да, появится, – серьезно сказала я.

– И что, ничего не можешь мне рассказать даже о моем собственном будущем? – спросила она, но было видно, что ответ мой для нее был не так уж и важен, главное – сам факт.

– Нет, не могу, – с улыбкой ответила я, – ну сколько раз я могу тебе говорить одно и то же? Если я тебе сейчас скажу хоть что –нибудь, мои слова могут повлиять на твою судьбу, изменить ее, и я не знаю – в лучшую сторону или совсем наоборот. Ты должна жить свою жизнь сама, понимаешь, сама делать свой выбор и сама принимать решения. Ну я не знаю, как еще тебе все это объяснить, чтобы ты поняла.

– Да поняла я все, поняла, не тупая. Тогда скажи хотя бы только одно – он симпатичный?

– Еще какой! – ответила я.

– Yes!!! – Иннка чуть ли не подпрыгнула на своем стуле.

Я посмотрела на часы – пора, такси подъедет в любую минуту.

– Ну что, на коня? – Иннка допила последние глотки кофе, я последовала ее примеру. Мы с вещами спустились вниз и через минуту подъехало такси.

Львов встретил нас дождем, пронзительным ветром и почти зимним холодом.

– Вот видишь, я же говорила, что Западная Украина —это тебе не Херсон, тут почти всегда дождь, не то, что у нас. А ты шмоток летних набрала, как будто в Сочи собралась, – громко комментировала события Иннка, пробираясь между людьми по платформе Львовского вокзала в сторону стоянки такси.

Я отстала от нее с моими вещами метров на пять, но это ее абсолютно не смущало, она продолжала свой монолог, даже не удосужившись посмотреть, где же я находилась – то на самом деле.

Я тащила сзади, пропуская ее слова мимо ушей. Моей единственной целью было – не упустить ее из виду и не потеряться. Иннка знала Львов, как свои пять пальцев, а я здесь была в первый раз. Что – же касается летних вещей, так это у нее ими был забит до предела ее элегантный чемодан на колесиках довольно внушительного размера. По – этому она и психовала – боялась, что теплых вещей будет недостаточно, чтобы покорить половину Ужгорода. Ну а громоотводом, как всегда, являлась я.

Мы делали пересадку во Львове во – первых потому, что из Херсона не было прямого поезда до Ужгорода и во – вторых из – за того, что здесь жила Иннкина подруга детства, и каждое лето Иннка навещала ее до или после поездки к отцу. Это лето – на мое счастье – не было исключением.

Такси везло нас по мокрому городу. Я зачарованно смотрела в окно и не могла насмотреться. Я узнавала этот город, он был моим до мозга костей, сейчас я хорошо понимала, что обозначает выражение дежавю. Я точно когда – то уже здесь была. И точно очень любила этот город когда – то.

Узкие улочки, величественные храмы создавали ощущение, что время здесь остановилось. Булыжные мостовые, церкви, костелы в стиле ренессанса переносили тебя в средневековую Европу.

Может быть, мне так хорошо было здесь еще и потому, что Львов когда – то принадлежал Польше. А к Польше у меня было особое отношение.

Мои родители оба – поляки. Они познакомились, когда еще были детьми, выросли вместе в деревне Константиновка, под Николаевом.

Еще до революции за какую – то провинность в эту деревню пересылали из Польши дворянские семьи на вечное поселение. Таким образом сформировалась на территории Украины польское поселение, где поддерживался язык, традиции страны и католическая вера.

Маминых родителей я не помнила, они умерли, когда я была совсем маленькой. А вот моя польская бабушка по папе – Ясинская Юзефа Станиславовна – или просто бабушка Юзя – это мой лучший друг...

Вернее, она была моим другом до прошлого года, а точнее до 15 мая 1978 года, когда на рассвете в нашей городской квартире раздался телефонный звонок. Звонила моя тетя Лида – папина сестра. Бабушка умерла во сне – просто ушла от нас, никого заранее не предупредив. В то утро я подумала, что больше никогда не буду смеяться, мне тогда показалось, что жизнь потеряла всякий смысл.

Такси подъехало к площади Адама Мицкевича – одной из центральных во Львове, сделало почти полный круг почета по площади, в центре которой находился памятник поэту, и завернув в арку старинного четырехэтажного дома, остановилось возле первого подъезда.

По широченной мраморной лестнице мы поднялись на второй этаж. В дверях квартиры номер три торчала записка. Инка сразу сообразила, что это – нам.

«Девочки, извините, я скоро буду. Ключ в четвертой квартире у тети Маши. Инна, ты ее знаешь. Располагайтесь, как дома, холодильник к вашим услугам. Таня», – прочитала Иннка вслух и двинулась в сторону четвертой квартиры.

Через пять минут после короткого разговора с соседкой о том о сем мы вошли в Танины хоромы.

И это действительно были хоромы – что – то величественное, из прошлого века. И опять – появилось это странное ощущение – мне знакомо все это!

– Давай, пока хозяйка не вернулась, я покажу тебе квартиру, – сказала Иннка.

Мы оставили вещи в прихожей и начали осмотр. Здесь было на что посмотреть: высокие – метра четыре, не меньше, лепные потолки с ангелочками, деревянные массивные двери высотой в полтора человеческих роста, широкие подоконники со ставнями на каждом окне

в каждой комнате, а комнат – четыре, не считая гостиной и библиотеки. Старинная мебель из красного дерева в прекрасном состоянии, дорогие натуральные ковры. В гостиной – старый камин и над ним – большой портрет молодой женщины в полный рост – поразительной красоты. Я остановилась возле камина и долго не могла отвести взгляд от портрета.

Что, нравится? – спросила Иннка, – еще бы, это – семейная реликвия. Эта женщина – дальняя родственница Таниного отца, он у нее из княжеского рода, представляешь.

Я не ответила, мысли в голове путались, мне казалось, что где – то когда – то раньше я уже видела это лицо.

– Ладно, пошли дальше, а то не успею тебе все показать, – Иннка потянула меня в другую комнату.

Направо в конце квартиры был узкий коридор, который заканчивался небольшой проходной комнаткой с маленьким окошком. В комнате этой было две двери, одна из них была закрыта на ключ.

– Эта дверь ведет в другой подъезд, – быстро сказала я Иннке.

– Да, это бывшая комната для прислуги, для удобства, чтобы не беспокоить хозяев, прислуга заходила в квартиру через другой подъезд. А ты откуда знаешь?

А действительно, откуда я знала?

Часа через два пришла Таня – девушка небольшого роста, кругленькая и в очках – полная противоположность своей подруги детства. Они обнялись и расцеловались – было видно, что обе действительно были рады этой встрече.

– Татьяна, – протянула мне руку для приветствия маленькая хозяйка большого дома.

– Елизавета, но можно просто Ляля, – сказала я и ответила на ее рукопожатие.

Таня мне понравилась сразу: она была смешливой, простой в обращении, очень обаятельной и домашней. Ее родители были учеными, оба работали во Львовском университете, часто ездили по всей стране, возили студентов на археологические раскопки.

Татьяна заразилась от родителей их страстью – она училась на втором курсе исторического.

– Мама с папой уехали на прошлой неделе, – рассказывала Таня, вытаскивая из холодильника колбасу, сыр, помидоры, огурцы и что – то еще. – Так что вы можете здесь жить хоть до конца лета, мне веселее будет. Инн, помидоры так съедим или сделаешь салат?

Но Иннка уже достала из старинного буфета всю необходимую посуду и уже всю стро- гала на дощечке маленькими кусочками зеленый лук к салату.

– А, ну да, – наконец заметив кулинарные манипуляции подруги, произнесла Таня.

Она уселась поудобнее видимо на свое законное место за столом и с облегчением передала бразды правления в руки приезжей подруги.

А Иннка была в своей стихии. Эту квартиру она знала, как свою собственную. На большом овальном столе уже стояли хрустальные фужеры, тонкие фарфоровые тарелки кремового цвета с маленькими голубыми цветочками, серебряные вилки и ножи. Ну и, конечно, еда – наспех, но со вкусом приготовленная Иннкой.

– И как это у нее так получается – всегда и во всем быть элегантной? Точно, в прошлой жизни была королевой, – думала я.

Таня принесла из другой комнаты бутылку красного вина и протянула ее Иннке.

– Можешь открыть?

Красавица с умным видом принялась рассматривать этикетку.

– Да не напрягайся ты так, – засмеялась малышка, – вино хорошее, французское, папе его иностранцы подарили, но родители не пьют, ты же знаешь.

– Зато мы пьем, – сказала Иннка и разлила вино по бокалам, – ну что, с приездом что – ли?

- И с началом летних каникул!
- Ура! – хором произнесли мы.

Мы с Иннкой прожили во Львове целую неделю. Бродили по узким старинным улочкам, поднимались на Высокий Замок и со смотровой площадки любовались этим величественным городом, который лежал под ногами и был виден отсюда весь, как на ладони. Мы заходили в древние костелы и на коленях неистово молились Богу и крестились по – католически: слева —направо. Иннка, наверное, в шутку, я — всерьез. А после этого в маленьком кафе пили крепчайший кофе из миниатюрных чашечек – совсем по – европейски.

Словом, мы наслаждались жизнью и иногда даже в голову приходила мысль – а может воспользуемся Таниным предложением и останемся здесь на целый месяц?

Ну нет – нужно было ехать в лагерь: Карпаты – это тоже здорово!

На электричке мы доехали до Ужгорода довольно быстро. От вокзала до университета, где был назначен сбор отъезжающих в лагерь, ехали на автобусе. Там произошел небольшой инцидент, который здорово подпортил мне нервы.

Всю дорогу Иннку раздражал мой рюкзак, не удивительно, ее новый чемодан, естественно, выглядел гораздо лучше. Она постоянно язвила по этому поводу и довольно громко – в ее стиле. Но в последний раз перешла все границы.

– Твой рюкзак, Лялька, перегородил весь проход, ты не можешь его немного подвинуть, чтобы люди могли спокойно ходить по автобусу, – громко проговорила она и выразительно посмотрела на симпатичного парня спортивного сложения, который сидел на задней площадке. На самом деле – это ее чемодан стоял на проходе и усложнял передвижение. Но что ты будешь ей доказывать? Бесполезно!

– Иннка, отстань от меня и не забивай мне мозги всякой ерундой, надоело, – так же громко ответила я и отвернулась к окну. Боковым зрением заметила, что парень с задней площадки внимательно слушал нашу перебранку. Рядом с ним на сидении лежал рюкзак еще похлеще моего, но парня это абсолютно не смущало.

Я часто прощала Иннке ее выходки, почти всегда, знала, что все это – наносное и в принципе никак не влияло на наши с ней отношения. Вот и сейчас я постаралась расслабиться, забыть о вздорном характере подружки и тихо спокойно помечтать, глядя на плывущие за окном незнакомые пейзажи.

При выходе из автобуса оказалось, что парень с задней площадки тоже доехал до пункта своего назначения.

– Ляля, – услышала я за своей спиной, когда уже спускалась по ступенькам, – давайте я Вам помогу, кажется, Ваш рюкзак немного усложнил Вам жизнь. Он подхватил это неуклюжее яблоко раздора, не дождавшись моего согласия. Его собственный рюкзак – раза в два больше моего – находился у него за плечами и, похоже, не причинял ему никаких неудобств.

– Меня зовут Александром, ну а с вами двумя я уже заочно познакомился, – улыбнулся он. – По – моему, мы с вами едем в один лагерь.

– Очень может быть, – кокетливо глядя на него, ответила Иннка. Несмотря на то, что он нес *мой* рюкзак, у нее даже не возникло мысли о том, что он обращался ко мне, а не к ней.

– Вы из какого города, Саша?

– Я из Ленинграда. Мы здесь должны быть вдвоем с моим другом – Володькой, но он приехал в Ужгород раньше меня, а я вот только сейчас добираюсь.

– Ну и вполне своевременно, – сказала Иннка, – сбор назначен на одиннадцать утра.

Во дворе Ужгородского университета было полно народу, стояло четыре новеньких автобуса с надписью «Экскурсия» на лобовом стекле. У главного входа в универ находился неболь-

шой стол, покрытый красной скатертью. Около него туда – сюда сновал шустрый молодой человек с громкоговорителем.

– Товарищи, попрошу подходить к столу и регистрироваться, – кричал громкоговоритель во все горло, – кто уже зарегистрировался, проходите на посадку...

Мы прошли на регистрацию. На нашу долю выпал автобус номер три, а Александру полагалось ехать в первом.

Саша, снова подхватив мои вещи, отвел нас с Иннкой в тень высокого тополя, растущего здесь – же, во дворе университета.

– Пожалуйста, подождите меня здесь, я сейчас вернусь, – сказал молодой человек и пристально посмотрел при этом мне в глаза.

Нет проблем, – быстро ответила Иннка.

Я молчала и почему – то не могла отвести взгляд от его черных глаз.

Затем внимательно наблюдала, как он снова вернулся к столу и о чем – то мило беседовал с деловой строгой блондинкой, отвечающей за регистрацию.

Мне нравился этот парень. Он был очень хорош собой: у него было атлетическое тело, уверенная красивая походка, высокий рост, темные вьющиеся волосы и черные внимательные глаза. Но главное – не это. Он был каким – то настоящим, к нему сразу чувствовалось доверие. Или это только мне так казалось? Похоже, что нет.

Через пять минут он вернулся к нам и снова посмотрел на меня таким – же долгим взглядом, как будто пытался вспомнить, где же он видел меня раньше.

– Я еду с вами в третьем, – проговорил он с улыбкой.

– Что Вы ей сказали? – спросила Иннка.

– Что вы без меня рюкзак до автобуса не донесете.

Я все так – же молчала, как истукан. Похоже, что я была здесь вообще лишней. Что это было со мной? Такого раньше никогда не было.

Мы подошли к автобусу, когда он был уже почти полностью укомплектован.

– Проходите назад, там есть свободные места, – показал нам в конец автобуса мужчина средних лет, сидящий на передней площадке, видимо, наш руководитель.

Сзади было четыре сплошных сидения, без перегородок. Иннка прошла, естественно, первой и села посередине, я – возле нее. Рядом с каждой из нас осталось по одному свободному месту.

– Ляля, ты не возражаешь, если я сяду здесь у окошка? —показал Александр на сидение возле меня.

– Ну конечно, садись, почему спрашиваешь?

– Мы уже перешли на ты, – подумала я.

В последнюю минуту, когда двери уже закрылись и наше транспортное средство начало медленно выруливать из университетского двора, произошла такая сцена: молодой человек небольшого роста с двумя увесистыми сумками бросился чуть – ли не под колеса автобуса, кинул свои вещи на землю, принялся энергично махать руками и всячески старался показать водителю, что его забыли. Шофер резко затормозил. Парень взобрался с вещами на переднюю площадку и с облегчением перевел дух.

– Ну слава Богу, – сказал он ни к кому конкретно не обращаясь, – думал уже в самом деле останусь здесь – в Ужгороде.

– Молодой человек, вы откуда? Вас в списках нет, у нас полный комплект, – подозрительно посмотрел на него руководитель.

– Так и не может быть, – ответил студент, – меня Света только что дописала, я знаете – опоздал... И потом, она сказала, что в этом автобусе есть еще один незапланированный ленинградец, так что я уж как –нибудь с ним.

– Ну ладно, – вздохнул руководитель, – проходите назад, там есть свободное место.

– Да Вы не волнуйтесь, я много места не займу, – извинился коротышка.

– Да Вы – то ладно, – критически оглядел парня преподаватель, – а сумки Ваши куда девать? Багажник уже забит. Ну хорошо, оставляйте их возле водителя, – устало добавил он, – и проходите назад, пора ехать.

Автобус со второй попытки отчалил от университетского двора.

– Володька, иди ка сюда, – позвал друга Александр с задней площадки.

А привет, Саш, я так и понял, что это именно ты отбился от ленинградцев и затесался Бог знает куда.

Это я – то отбился? Ты в Ужгороде уже три дня и умудряешься, как всегда, дико опоздать к отъезду, вон чуть не убили под колесами автобуса. Ну да ладно, об этом потом.

– Девочки, – обратился Саша уже к нам, – это мой друг Владимир, мы учимся в одном университете, только я на биологическом, а он на философском.

Очень приятно, – хором ответили мы с Иннкой.

Очень хотелось смеяться, но было неудобно, я, как могла, себя сдерживала.

Володя сел к окну, рядом с Иннкой.

– Люблю пунктуальных людей, – ехидно сказала ему та.

– В самом деле? Я тоже, – не задумываясь ответил Сашин друг, – мне сразу показалось, что у нас с Вами много общего.

– Ну, ну, – глубокомысленно изрекла Иннка, глядя на Владимира свысока.

Понятно – он был явно не в ее вкусе, да и настроение у нее было испорчено из – за того, что Саша сел рядом со мной.

Мы ехали по городу и все смотрели в окно. Ужгород чем – то напоминал мне Львов. У всех городов Западной Украины есть что – то общее: их античность, может быть. Закарпатье называют краем старинных замков, в этом городе и в его пригородах их много и все они разные. Но, несмотря на свое средневековое величие, Ужгород показался мне как – то по – домашнему уютным. Здесь было много цветов, они обвивали каменные заборы усадеб, вились, тянулись вверх и доставали до самых крыш аккуратных двух – этажных кирпичных домов. Это было красиво. Теперь я понимала, почему Иннка была так влюблена в этот край.

Наконец после трехчасовой езды по Закарпатья с небольшими остановками возле полуразрушенных древних строений и кратких экскурсий – мы въехали на территорию лагеря.

«Добро пожаловать» – гласил большой плакат, прикрепленный сверху, над воротами.

Студенческий лагерь «Скалка» был расположен в естественной высокогорной долине, со всех сторон окруженной Карпатами. В лагерь можно было попасть только по одной дороге – по которой мы сейчас приехали. Она была очень узкой – два автобуса, наверное, не разминутись бы – и довольно крутой. У меня дух захватывало, когда мы свернули с трассы и начали резко подниматься вверх – все выше и выше.

Недалеко от лагеря текла горная река – быстрая и опасная. Но она была внизу – в ущелье. Через ущелье был переброшен пешеходный канатный мост. Он не являлся еще одним дополнительным подходом к лагерю, это была просто туристическая тропа, никак не связанная с цивилизацией.

Лагерь был окружен кирпичным забором. В центре была большая асфальтированная площадка, где мы сейчас находились и где стояли автобусы. Справа от нас – загороженная танцплощадка, со сценой. Рядом с ней – круглый амфитеатр под открытым небом, который был похож на наш – институтский, только сидения у него были все деревянные и без спинок. Видимо, здесь проводились лагерные сборы. Слева находилось небольшое кирпичное здание – скорее всего столовая.

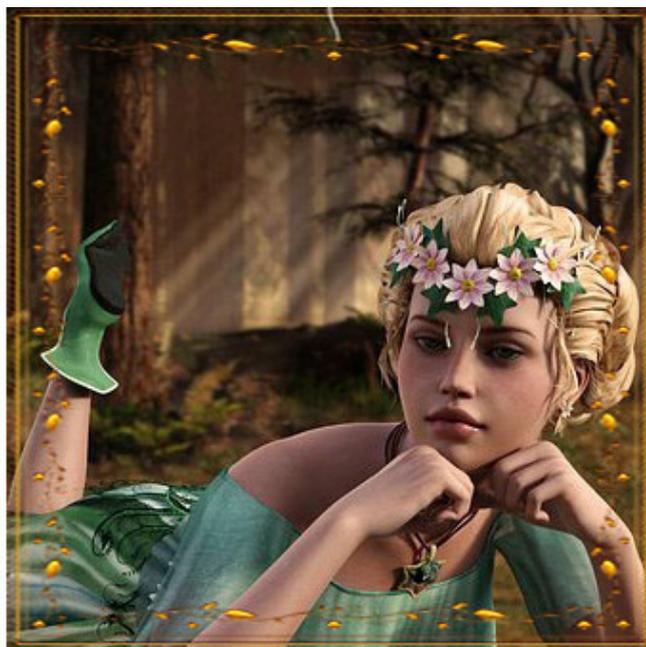
И перпендикулярно ко всем этим строениям вверх тянулись четыре аллеи с палатками.

Возле каждой палатки когда – то давно были посажены плакучие ивы. Деревья были старыми и высокими, их ветки склонялись почти до самой земли, в некоторых местах даже прикрывали эти маленькие брезентовые домики и защищали их от солнца и от дождя.

Палатки были двух и четырехместными, нам с Иннкой повезло – досталась двухместная. Мебели в нашем временном жилье было немного – две металлические кровати с новенькими матрасами, два стула и две прикроватные тумбочки. Из – за отсутствия шкафа одежду в сумках пришлось засунуть под кровать.

Сказывалась усталость путешествия, Мы с Иннкой сладко растянулись – каждая на своей кровати – и закрыли глаза. Ах, какое блаженство! В открытую дверь беспрепятственно проникали все лагерные звуки – суета и суматоха первых минут распределения, чей – то смех недалеко от нас, кто – то совсем рядом настраивал гитару и пытался тихонько петь, громкоговоритель продолжал свои указания, но сейчас уже совсем другим тоном – спокойно и по – домашнему. И все эти звуки перекрывались другими – блаженными и успокаивающими душу – пением птиц на разные голоса, журчанием горной реки глубоко в ущелье и шуршанием листьев от легкого ветерка.

Глава 2 Полина

Руководителем нашего отряда оказался мужчина средних лет, который ехал с нами в автобусе, – Сергей Павлович Лещенко – преподаватель философии Ужгородского университета. Внешность его была довольно непримечательной: он был чуть выше среднего роста, худощавый и подтянутый с короткими русыми волосами, зачесанными назад, со светло – серыми глазами, умными и пронизательными. И несмотря на напускную строгость он был добрым и скромным человеком. Как – то совсем незаметно и ненавязчиво Сергей Павлович объединил и сдружил многих из нас и сделал так, что это лето запомнилось нами надолго, может быть, на всю жизнь.

Открытие лагерной смены было назначено на завтра, предстоял праздничный ужин, большой костер и танцы. А остаток сегодняшнего дня мы посвятили знакомству с территорией лагеря. После ужина нас собрали в амфитеатре.

Пока начальство знакомило нас с правилами лагерного общежития, я рассматривала студентов, которые сидели вокруг меня на деревянных скамейках амфитеатра и с которыми нам с Иннкой предстояло прожить вместе ближайший месяц. Ребят было раза в два больше, чем девчонок, что уже само по себе было хорошо. Публика слушала выступающих невнимательно – все переговаривались, знакомились друг с другом и вообще, как это принято на подобных собраниях, по возможности валяли дурака. Атмосфера немного изменилась, когда директор лагеря начал говорить о графике предстоящих экскурсий – тут народ притих и начал прислушиваться. И это было понятно – величественные синие горы притягивали и звали к себе.

Вскоре наша с Иннкой палатка, несмотря на ее маленькие размеры, оказалась местом сбора довольно большой компании.. Саша и Володька у нас почти прописались, кроме них к нам на огонек постоянно заглядывал Сергей Павлович – якобы для того, чтобы поговорить с Володькой на философские темы. На самом деле, как мне казалось, ему было просто интересно с нами. Часто приходил Виктор – громкоговоритель – светловолосый симпатичный парень, обладавший прекрасным чувством юмора и лучистыми голубыми глазами. Вик-

тора всегда сопровождал его лучший друг Станислав по кличке Кость. Кто и когда дал ему эту кличку, было неизвестно, но она ему очень шла, и никому по – этому в голову не приходило пользоваться его настоящим именем. Кость был очень маленького роста, с густой шевелюрой черных нечесаных волос, хитрым лукавым взглядом и постоянной готовностью разразиться своим заразительным смехом при очередном шедевре, выданном его остроумным другом и кумиром – Виктором.

Иногда приходила Светлана – строгая блондинка с университетского двора и наш теперешний художественный руководитель. Похоже, она давно была влюблена в Виктора, они учились вместе в одной группе на географическом факультете Львовского университета. Но этот шалопай особого внимания на девушку не обращал, а жаль – могли бы быть хорошей парой.

Наша дружба началась на следующий после приезда день. Света – худрук – готовила открытие лагеря: небольшое театральное представление перед танцами и костром. Мини – спектакль был из жизни древней Греции. На роль греческих богинь выбрали нас с Иннкой. Времени на подготовку почти не было, Света нервничала, с костюмами произошло какое – то недоразумение – похоже, что их забыли в Ужгороде. Пришлось их заменить простынями разного цвета, в которые нас с Иннкой заворачивала Света за кулисами. Виктор оформлял музыкальное сопровождение и репетировал роль Аполлона, на которого, кстати, он был необычайно похож, Кость крутился под ногами, всем мешал и ржал по поводу и без повода. Саша с Володей предложили Светлане помочь с декорациями. Ну а в роли главного режиссера и автора сценария, естественно, оказался Сергей Павлович – знаток истории древней Греции и просто образованный человек. В результате всего этого возникло очень милое представление с переодеваниями, веерами, пальмами, мистикой и юмором.

А после спектакля были танцы. Туда мы пошли всей нашей группкой, танцевали все вместе, взявшись за руки, а затем постепенно втянули в наш круг чуть ли не весь лагерь. Было весело, магнитофон с усилителями разрывался супер – модными Абба и Бонни М.

А над головой было бездонное ночное небо и казалось, что вся Вселенная наблюдала за нами своими яркими и пронзительными глазами – звездами.

Все успокоилось и притихло, когда отгорел большой костер и люди разбрелись кто куда. Наша небольшая группка осталась сидеть возле тлеющих головешек, никому не хотелось расставаться.

– Ну и кто расскажет что – нибудь интересное? – тоном лидера провозгласила Иннка.

– А это зависит от того, что нашей богине кажется интересным, – съязвил Кость и хитро захихикал.

– Кость, не паясничай, не к тебе вопрос, – с напускной строгостью отшила красавица.

– Ладно, ребята, – взял слово Сергей Павлович, – если не возражаете, могу рассказать вам нашу карпатскую не то легенду, не то быль – это зависит от восприятия каждого. Большинство из вас – люди приезжие и скорее всего никогда о ней не слышали, только все это действительно когда – то произошло и мой дед был тому свидетелем. Вначале много об этом говорили, а потом забыли – тема в общем – то почти запретная, да и доказательств происшедшего ни у кого не было. Хотите послушать?

– Конечно, Сергей Павлович, расскажите, пожалуйста, – хором попросили мы.

Сидевший рядом со мной Саша придвинулся поближе и накинул мне на плечи свою ветровку, пахнущую костром, хвоей и им самим.

– Не боишься? – спросил он в самое ухо и чуть – чуть прикоснулся губами к моим волосам.

– С тобой нет, – тихо ответила я.

Он взял мою руку в свою, легонько сжал мои пальцы и так и держал их, слегка поглаживая, на протяжении всего рассказа. Я не возражала, так мне было уютно и защищенно, просто сиди и слушай, а он позаботится о том, чтобы все было хорошо.

Возле Иннки пристроился Виктор, что – то острил ей на ухо, та хихикала и строила глазки. А Светлана сидела рядом с Володькой, печально поглядывала на Виктора и казалось совсем невпопад что – то отвечала на умные замечания будущего философа.

Когда заговорил Сергей Павлович, все разговоры прекратились: было в этом незаметном человеке что – то такое, что заставляло прислушиваться к его тихому голосу и верить ему.

– История, которую я хочу вам рассказать, – начал свой рассказ преподаватель, – связана с одним удивительным и загадочным местом недалеко от нашего лагеря, километрах в двух отсюда. Об этом месте ходили разные слухи еще до революции в России. Говорили, что там на дне ущелья в скале на берегу горной реки была какая – то непонятная расщелина, и что там чудеса разные с людьми происходили, и никто не знал, к добру они или ко злу. Я с дедом ходил туда и эту щель в скале сам несколько раз видел. Дед мой в этих краях много лет лесником проработал.

Расположена эта расщелина в крайне недоступном месте, попасть туда без проводника практически невозможно, потому что находится она на самом дне ущелья, а склоны его отвесны и ущелье очень глубокое. Если бы не это, чудес в наших местах было бы гораздо больше, а так нет – горы бережно хранят свои секреты и не подпускают к ним неподготовленных. А, может быть, попадали туда только те, кому, как в старину говорили, на роду было написано туда попасть.

Я вам сейчас обо всем этом рассказываю не для того, чтобы вы попробовали туда проникнуть, а потому, что знаю: все равно от кого – нибудь услышите, так уж лучше, как говорится, из первых рук. Да и предупредить хочу об опасности, так как не все здесь понимают всю серьезность ситуации, да многие и не верят, считают, что все это просто сказки.

Рассказывали местные старожилы, что эта расщелина в горе – непростая, что она проглатывала людей, которые к ней приближались, и потом сама решала, кого вернуть обратно, а кого нет.

Верить или нет – это, сами понимаете, личное дело каждого.

Говорили, что лет сто тому назад девушка необычная жила в этих краях. Красивая – необыкновенно, просто неземная какая – то красота. Волосы у нее были светлые, длинные – почти до колен, она их в две тяжелые косы заплетала и искусно укладывала короной вокруг головы, а иногда распускала и неслась по лесу, как прекрасная птица, а волосы сзади развевались по ветру и блестели на солнце, как золотые. Тело ее было тонкое, стройное и гибкое, как у змеи, а глаза – зеленые с поволокой, раскосые. Сказывали, что очень похожа она была на лесную фею, а, может, и была она лесной феей, кто знает. Звали ее Полиной и жила она одна в лесной сторожке. Дед ее, как и мой, лесником когда – то был, ну а после его смерти осталась она одна в его домике. Люди к ней привыкли, как к лесному чуду, местной диковинке, никто никогда ее не обижал, наоборот, помогали ей, чем могли: кто мыла хозяйственного для нее на лесной опушке оставлял, кто теплую одежду, кто хлеба с яйцами и молоком. Никто не видел, в какой момент она подарки забирала, да только глечик от молока и корзинку от хлеба на расвете следующего дня хозяйка у себя на крыльце находила иногда с грибами, а то – с лесными ягодами.

А потом в деревне появился приезжий – Захаром звали, к тетке – местной помещице – погостить приехал. Высокий, статный, черноволосый, знающий себе цену, одет с иголки – богатый. Стал на охоту в горы ездить – за этим и приехал – охотником был страстным.

Несколько раз увидел Полину в лесу – и пропал. А она специально ему на глаза показывалась, говорили, что заморочить хотела, чтобы больше в горах не появлялся, не любила охотников, берегла лес. А Захар, как с ума сошел.

– Помоги мне ее в лесу отыскать, – просил он свою тетку, – я поговорить с ней хочу, жениться, в город с собой ее увезти. А она, как меня увидит, бежит быстрее ветра, я на коне ее догнать не могу.

– Да и не догонишь никогда, – отвечала ему помещица, – и никто тебе в этом не поможет, только если она сама захочет с тобой поговорить, разве что тогда. Ну а если будешь продолжать зверей в лесу ради развлечения убивать, не думаю, что захочет. И потом – о какой женитьбе ты говоришь? Не чета она тебе, во Львове что ли девушек достойных нет, чтоб из знатного рода, тебе вровень? Даже если бы и могла, никогда бы я не помогла тебе жениться на этой лесной дикарке.

После этого разговора Захар несколько дней на охоту не выезжал, лежал в своей комнате на широкой деревянной кровати, глядел в потолок и думал. Видно очень ему не хотелось соглашаться с тем, что какая – то лесная девчонка условия ему ставила. На слова тетки о том, что Полина ему не пара, он не обратил никакого внимания.

Наконец в одно утро, еще до рассвета, уехал Захар из дома, а ружье и патроны с собой не взял. Уехал – и пропал, много лет о нем ничего слышно не было. И самое интересное, что и Полина как в воду канула, исчезла из этих мест.

Так вот, как я уже сказал, – продолжал Сергей Павлович, – произошло это более ста лет тому назад.

А неожиданное продолжение этой истории случилось лет сорок тому, когда мой дед лесничим стал и поселился в этой – же избушке, где жила когда – то Полина. А надо вам сказать, что дед мой не всегда дикарем был. Раньше Степан Афанасьевич Лещенко был профессором истории и преподавал во Львовском университете. Кроме его любимого предмета интересовали моего деда и многие другие вещи. Например, он часто говорил со мной о бессмертии души, о том, что после смерти душа человека не умирает, а переселяется в другой мир и живет там какое – то время, пока не придет ее час снова на землю вернуться. И говорил мне дед, что мир этот необыкновенно прекрасен, там душа отдыхает и набирается сил перед следующим воплощением. У деда раньше было несколько старинных книг на эту тему, странных, в необычных переплетах, обтянутых кожей и украшенных настоящими драгоценными камнями с золотыми и серебряными буквами на обложках. Он их прятал, никому, кроме меня, не показывал – запрещенными они были. А я в те годы мало интересовался подобной литературой, а жаль. Книги пропали после его смерти, кто нашел и опустошил тайник – я не знаю, возможно, местные бродяги клад искали в дедовской избушке, а напали на книги – и со злости сожгли их. Дай Бог еще, если ума хватило их кому – то продать, может, и лежат сейчас где – то упрятанные в какой – то частной библиотеке. Так или иначе – эти старинные издания для меня навсегда утеряны, а цена им – выше любого клада, потому что нет ничего в этом мире дороже знаний.

Ну да я немного отвлекся. Так вот – о продолжении этой истории.

Через два года после того, как Степан Афанасьевич коренным образом изменил свою жизнь, ушел от цивилизации и поселился в этих краях, в один из дождливых осенних вечеров к нему в окно кто – то постучал. Дед гостей не ждал, но дверь открыл – мало ли что с человеком может в лесу случиться в такую погоду, на то он и лесничий, чтобы помогать уставшим или заблудившимся путникам.

На пороге стоял высокий черноволосый человек лет двадцати пяти. Одежда на нем была вся мокрая, да это и понятно – дождь, но дело в том, что одет он был не по сезону: на дворе – конец ноября, а он в светлом летнем макинтоше и тонком сером костюме – нарядном, изыскан-

ном, но очень уж старомодном, как будто из прошлого века. Казалось, что человек свататься пошел, а костюм одолжил в местном драматическом театре.

Сказал незнакомец, что зовут его Захаром и что живет он здесь неподалеку – в деревне, принадлежащей его тетке – помещице Ганзе Медзинской. Неделю назад он в лес ушел, хотел с Полиной поговорить.

– Ты, лесник, должен знать ее, она тоже где – то в сторожке лесной живет, – говорил он деду, – я долго за ней шел, сбился с пути, потерял дорогу. А она то покажется между деревьев, кажется, рукой к себе поманит, то опять исчезнет. Даже не знаю, сколько дней я за ней гонялся, коня потерял, ослаб совсем. Дальше помню, как споткнулся о лесную корягу и полетел вниз, в ущелье.

Потом парень стал говорить что – то неразборчивое, называл девушку то Полиной, то странным старинным польским именем Марыня – так что дед никак понять не мог: об одном и том же человеке идет речь или он вдруг стал вспоминать о ком – то другом.

Помнил юноша хорошо, что какое – то время пролежал без движения глубоко в ущелье на берегу реки, и девушка эта с ним рядом была, раны его промывала какой – то ароматной настойкой. Но вот как она попала на дно ущелья, как нашла его, молодой человек понятия не имел.

Потом вдруг красавица эта исчезла, как и появилась, – юноша не знал – когда и как. Только в память его врезались, думал он, на всю жизнь, слова ее перед уходом :

– Я сейчас принесу тебе лекарство, а ты никуда отсюда не уходи. Если хочешь меня увидеть, здесь жди, и не важно, сколько лет или столетий пройдет – я сюда к тебе всегда вернусь, запомни хорошо это место, слышишь...

Слышал он это как бы издалека, сквозь сон или сквозь глубокий обморок, он и сам толком не знал. Но повторил деду эту фразу несколько раз, как молитву, как будто слова эти были единственной ниточкой, связывающей его с любимой.

Последним, что помнил молодой человек, было то, что он, когда немного в себя пришел и смог, наконец, встать на свои ноги, вошел в расщелину на дне ущелья, в которую, как ему сквозь обморок показалось, вошла Полина перед этим. Вошел он туда, хоть девушка и просила его этого не делать, умоляла на берегу ее ждать.

О том, что было там – в расщелине – он не помнил абсолютно ничего.

Вот и все, – продолжал юноша, – очнулся я сегодня утром, тут неподалеку от твоей избушки, кто и как меня со дна ущелья поднял – не знаю. Сильно замерз, слыханное ли дело, чтоб в конце июня в этих краях такие холода стояли – чистый ноябрь. Хочу у тебя переночевать, если позволишь, а завтра на рассвете к тетке в деревню пойду, глядишь – и потеплеет. Отдохну немного и опять в лес – Полину искать.

Дед мой выслушал человека с большим вниманием и поверил каждому его слову. Историю о Полине с Захаром он много раз слышал от местных жителей. Кроме того из своих старинных книг дед знал о существовании на земле так называемых проходов в другие измерения, где не существует времени, а значит нет ни старости, ни самой смерти. Да вот только как все это объяснить Захару, какими словами рассказать ему, что за то время, пока он в расщелине был, на земле прошла не одна неделя, а больше шестидесяти лет, и что тетки его давно в живых нет. Как объяснить все это пришельцу из прошлого века – этого Степан Афанасьевич представить себе не мог.

Как бы то ни было, на следующий день дед мой отвел Захара в деревню. Старик пытался что – то ему объяснить, когда еще в сторожке с ним разговаривал, предложил жить у него в лесном домике, знал, что деваться человеку все равно некуда. Но Захар не соглашался, косо смотрел на деда – мол, старик на старости лет с головой не ладит, и рвался в деревню к тетке.

В деревне, куда Степан Афанасьевич привел своего гостя, никто из местных в эту историю, конечно, не поверил. Захара объявили сумасшедшим, но так как на буйного он похож не был, по доброте душевной местные крестьяне поселили его в полуразвалившейся избушке недавно ушедшей в мир иной бабы Вари. Родственников у нее не было и на наследство претендовать никто не станет. Со временем Захар кое – как вписался в современную жизнь, избушку поправил, обучился столярному делу и тихо прожил свой век, никого не беспокоя. Первое время часто в лес ходил – Полину искал, тосковал по ней очень и так никогда и не женился. Правда умер очень рано – в возрасте тридцати пяти лет – во сне, в своем доме, деревенский фельдшер сказал, что от сердечного приступа.

Вот такая история, ребята, – продолжил Сергей Павлович, – в нее можно верить, можно – нет, это кому как нравится. Дед мой после этого облазил все ущелье и расщелину эту нашел – слишком подробно Захар ее деду описал. Он и меня туда на всякий случай несколько раз водил, чтобы я, не дай Бог, сам туда как – то не набрел. Я ведь спуск в ущелье давно знал, по – этому дед и боялся – мало ли что мне в голову взбрести может. Спуск этот, я вам скажу, довольно крутой и опасный, но если отправиться вдвоем – втроем, да еще запастись длинными веревками – то спуститься можно. А потом еще по берегу горной реки идти вверх по течению километра два, и то, только когда закончится весеннее половодье, а иначе не пройдешь – река унесет. Вот так Карпаты замаскировали свое священное место..

И случай с Захаром, я вам скажу, не единственный, дед тогда старые архивы поднял о таинственных исчезновениях людей в этих краях. Он специально для этого во Львов ездил, у него остались старые связи со времен работы в университете. Так вот – исчезновения были и еще более необычные. Потому что некоторых – вообще не нашли, а кто – то объявился в другом конце страны и внятно никакими силами объяснить не мог, как его туда занесло. И все пути вели к расщелине, потому что вход в нее – это было последнее, что те люди, кому все – таки посчастливилось вернуться, помнили.

****

Костер совсем догорел, и сейчас лагерь, окруженный и охраняемый Карпатами, освещали только высокие вечные звезды. Где – то рядом в траве стрекотали кузнечики, ухала ночная птица высоко на деревьях, величественная луна то быстро выходила из – за тучи, на мгновение освещала все вокруг, то снова пряталась и завещала своим детям – звездам поддерживать сумрачный свет леса. Горы жили своей ночной жизнью.

Рассказ был окончен, но никому не хотелось расходиться. Тени Полины и Захара, казалось, прятались за деревьями, присутствовали здесь, рядом с нами, и слушали рассказ о них от начала до конца – отсюда, из – за деревьев, или из другого мира, что в общем – то одно и то же.

У меня ныло в груди, я что – то вспоминала, какая – то навязчивая мысль не давала покоя, но ухватить я ее не могла. Было так, как часто бывает после сна, когда только проснешься: знаешь, что во сне видел что – то очень важное, то, что нужно запомнить, но сон ушел. Иногда мелькают какие – то неясные образы, но целостной картины уже не восстановить.

И чувствовала, что с Сашиной рукой, которая все это время сжимала мои пальцы, да и с ним самим, творилось что – то странное. На протяжении рассказа в моем сознании, как на экране в затененном зале кинотеатра, я видела самого Александра, который пробирался по лесу через колючие мокрые кусты, потом видела его летящим с обрыва вниз, в темноту. За кем он гнался и что искал в ночном лесу – я не знала, это ускользало, как и не знала того, видел ли он сам эти картины или это был только плод моего воображения? Или моего дара?

Единственное, в чем я теперь не сомневалась, было то, что я оказалась в этом лагере в этот момент не случайно, мне даже казалось, что я долго, очень долго сюда шла и вот наконец

сейчас после трудных поисков и скитаний должно было что – то решиться – очень важное, то, от чего зависела вся жизнь.

И еще я точно знала, что я должна увидеть эту расщелину – во что бы то ни стало, чего бы мне это ни стоило.

****

На следующий день началась обычная лагерная жизнь: подъем, утренняя зарядка, завтрак, обед, экскурсии – все по расписанию.

– Доброе утро, лагерь, – каждый день будил нас бодрый голос Виктора – громкоговорящего ровно в семь утра. Затем на всю громкость летели над лагерьем слова и мелодия известной песенки :

– На зарядку, по порядку,

На зарядку по порядку становись!

– И почему, хотелось бы мне узнать, – ворчала Иннка на своей кровати, – я должна вставать каждое утро в семь утра даже во время летних каникул?

– Вообще – то на этом никто не настаивает, можешь дальше спать, правда вот завтрак без тебя съедят, – отвечала ей я, зная, что этот довод ее убедит. Красавица могла пропустить все, что угодно, но только не прием пищи как положено три раза в день.

– Ладно, не умничай, можно подумать, что ты так рвешься на зарядку ни свет, ни заря, – пробурчала себе под нос Иннка и перевернулась на другой бок.

Но долго спать ей не удалось :

– Девочки, – раздался голос Костья рядом с палаткой, – выходить и строиться по одному, из столовой вкусно пахнет пончиками и их количество строго лимитировано, сам проверял.

– Кость, скройся, – закричала моя подруга, – убью подушкой – Или знаешь что, – вдруг поменяла она тактику, – принеси лучше пару пончиков, у тебя же в столовой связи.

– Да, а что мне за это будет? – с утра пораньше торговался Кость.

– Вот нахал, – уже гораздо спокойнее сказала Иннка, – а как же дружба народов, человек человеку друг, товарищ и брат? Что, за просто так – слабо?

– Ладно, мой ангел, уже побежал, – Кость вприпрыжку рванул в сторону столовки, а мы с Иннкой, кажется, окончательно проснулись..

****

У меня с детства было два Ангела: Эстефания и Аркадия. Я никогда не видела их наяву, они приходили только во сне. Но когда они меня посещали, сны эти были настолько реальны, что я никак не могла отличить их от яви. А наяву я слышала иногда их голоса, и хорошо отличала одну от другой – настолько они разные. Вообще – то я знала, что Ангелы не имеют половых признаков, то есть они не принадлежат ни к мужчинам, ни к женщинам. Но мои почему – то были исключением, обе они – настоящие леди, хотя и совершенно не похожи одна на другую.

Эстефания – вся белая и золотая. Она ужасная кокетка. На каждом ее пальце всегда красовалось по меньшей мере одно золотое кольцо необыкновенной неземной красоты. В ее белые длинные распущенные волосы причудливо вплетены многочисленные золотые украшения. Платье тоже белое, длинное, полупрозрачное, с чехлом из тончайшего бархата, повсюду усеянное натуральным жемчугом. Белоснежные крылышки за плечами всегда казались только что вымытыми, настолько они были чистыми, пушистыми и благоухающими. И даже в них то и дело ярко блистал небольшой бриллиант.

Но все это не казалось на ней излишним.

– Елизавета, – часто говорила она мне (Эстефания никогда не называла меня Лялей, только Елизаветой) – самый большой подарок, который сделала тебе жизнь – это ты сама,

не забывай об этом. Люби себя так, как это делаю я, и тогда все остальные тоже будут относиться к тебе соответственно. Любовь к себе самой никогда не бывает излишней, моя дорогая.

Я пыталась следовать ее советам, но честно говоря, это у меня получалось не всегда.

Вторая – Аркадия – была полной ее противоположностью. Она тоже прекрасна, но совершенно по – другому. У нее черные волосы до плеч и смуглая кожа. Аркадия похожа не греческую богиню, хотя иногда ее можно было бы принять за представительницу египетской семьи фараонов. Одета она всегда по – разному, но неизменно ее великолепные наряды очень разноцветны. И волосы она всегда причесывала как – то по – другому: то заплетала в косу и надевала на голову венок из драгоценных камней, то распускала их и ее натуральные локоны со всех сторон нежно ласкали ее точеное лицо, то сотворяла прическу Клеопатры и вплетала в свои сто тоненьких косичек блестящие ленточки, в которых присутствовали все цвета, которые только есть в этом мире. Ее небольшие разноцветные крылышки похожи на павлиньи и в них тоже иногда сверкали драгоценные камешки – маленькие и цветные.

Несмотря на такую казалось бы легкомысленную внешность, Аркадия очень серьезна и логична. Она всегда учила меня любить и уважать все живое, и относиться к любому человеку, а также к животному, растению и даже к реке или к дождю – как к себе самой.

И еще – за все и всегда благодарить этот мир и всех его обитателей.

В ночь после открытия лагеря и легенды, рассказанной нам Сергеем Павловичем, они пришли ко мне вдвоем, чего раньше никогда не бывало.

Они разговаривали между собой, совершенно не обращая на меня внимания :

– Кажется, наша девочка начинает что – то понимать, тебе не кажется? – говорила Аркадия, удобно устроившаяся у меня в ногах на узкой металлической кровати.

– Я думаю, что понимание и предчувствие все – таки не совсем одно и то же, – отвечала ей Эстефания, которая стояла у меня в изголовье и своими бриллиантами освещала всю палатку так, что я боялась, как бы этот яркий свет не разбудил Иннку.

– Не волнуйся, моя дорогая, – наконец вспомнил о моем присутствии мой Белый Ангел, – все эти фейерверки – только для тебя одной. (Я давно привыкла к тому, что она слышит мои мысли так же легко, как и слова). Никто в лагере ничего не увидит. Да и откровенно говоря мы находимся сейчас не совсем в твоём лагере, а несколько в другом месте, хотя это не так уж важно.

Я не хотела терять время на выяснение подробностей о нашем местопребывании, так как знала, что мои красавицы могут исчезнуть в любой момент, а мне еще так много нужно было у них узнать.

– Хорошо, тогда скажите мне, что все это значит, о каком предчувствии вы сейчас мне говорили?

– Мы просто разговаривали между собой, если ты успела заметить, – пыталась схитрить Аркадия, – и вообще ты должна жить свою жизнь сама, для этого ты и пришла в этот мир, – повторила она фразу, сказанную мной у Иннки на кухне.

– Вообще – то некрасиво подслушивать, – сказала ей я, – и тем более выдавать чужие мысли за свои.

– Великолепно, ты делаешь успехи, моя милая, это ты сейчас очень хорошо сказала насчет чужих мыслей, – лукаво улыбнулась Эстефания. – Но не будем в это углубляться и терять время, как ты правильно заметила, а перейдем к главному: вечером, после того, как ваш руководитель закончил свой рассказ, ты четко утвердилась в одной мысли, которая возникла в результате неясного предчувствия. Вспомни эту мысль и действуй.

– Подождите, не уходите, я хочу с вами о многом еще поговорить, – позвала их я, так как увидела, что их цвета начали блекнуть и растворяться в воздухе.

– Ты все прекрасно знаешь сама, – еле слышно, как бы из другого мира, прошептала Аркадия.

Я проснулась резко, в холодном поту, как всегда бывало, когда я общалась со своими Ангелами.

– Я должна увидеть эту расщелину во что бы то ни стало, – еще раз подумала я.

– Увидеть и войти в нее, – добавил чей – то очень знакомый мне голос.

Расщелину в скале я увидела издалека. В то время, как вся остальная наша компания беспечно болтала, флиртвала друг с другом, точнее – Виктор с Иннкой, а Володя со Светой, наслаждалась летним днем, дышала хвойным воздухом карпатского леса, я внимательно всматривалась в каждый прибрежный камень, сканировала каждое дерево, каждый поворот реки и каждый скалистый выступ ущелья. Я шла и не могла поверить себе: опять это чувство узнавания. Что же это со мной творилось – то в Западной Украине?! Кажется, я начинала терять самообладание, так характерное мне в обычной жизни.

– Помогите мне, мои дорогие Ангелы, – привычно обратилась к моим незримым друзьям, присутствие которых в моей жизни я ощущала с того момента, как себя помнила.

– Совсем немного терпения, – шуршала хвоя под ногами голосами моих помощников.

Я посмотрела себе под ноги – белые кроссовки привычно ступали по узкой кромке реки с такой уверенностью, как будто делали это по меньшей мере в сотый раз. Белые маленькие носочки, короткие голубые шорты, кремовая футболка, узкая, туго обтягивающая тонкую талию и подчеркивающая все изгибы тела. Две длинные косы за плечами, волосы очень светлые, летом они всегда выгорали и становились почти белыми. На голове – венок из голубых незабудок и белых полевых ромашек. Так выглядела я в этот момент. В Сашиних глазах видела плохо скрываемое восхищение. Он не отходил от меня ни на минуту с надуманным предлогом – оберегать от любых неожиданностей. Парень крепко держал мою руку в своей. А меня не отпускало ощущение, что это как раз я должна оберегать его в этом лесу. Почему? Я не знала.

Мы тайно готовились к походу несколько дней. Продумали все до мелочей: раз Сергей Павлович сказал, что спустившись в овраг, нужно идти вверх по течению реки около двух километров, а перед этим он говорил, что расщелина находится в двух километрах от лагеря – вывод был очевиден – спуск в ущелье был где – то совсем рядом.

И наши расчеты вскоре подтвердились: Кость никому ничего не говоря в один из дней проснулся рано утром – до подъема – по канатному мосту перешел на другую сторону ущелья и тщательно изучил обрыв прямо под мостом, как будто ему подсказал кто. Так и было – спуск находился там.

В тот же день после завтрака Виктор отпросился у лагерного начальства и съездил в Ужгород на продуктовом рафике, якобы для закупки недостающих вещей для предстоящего похода. Виктор помимо заведования радио – пунктом выполнял роль проводника – водил студентов в горы по маршрутам, которые знал досконально.

Вернулся он к вечеру с огромным новым рюкзаком за плечами. Как оказалось, основной объем рюкзака занимала длинная очень толстая веревка, туго скрученная и упакованная как можно более компактно и еще одна – намного более тонкая, но такая же прочная и длинная.

А дальше все пошло, как по маслу. Отпроситься у лагерного начальства на несколько дней в поход в горы в количестве семи человек никакой проблемы нам не составило: Виктор – опытный проводник. Да и режим в лагере не был так уж строго регламентирован – студенты – люди взрослые, и определенная свобода передвижения нам предоставлялась. В столовой каждому из нас выдали сухой паек на три дня; палатки и спальные мешки мы получили у Виктора в его подсобке рядом с радио – рубкой, немного теплой одежды на случай дождя – и все, сборы были закончены.

На следующий день с первыми лучами солнца мы всемером были уже на другой стороне ущелья. Кость подвел нас к заветному месту.

Спуск этот представлял собой очень крутую лестницу, ступени которой как будто специально были высечены в скале много лет а, может быть, веков назад. Вся эта конструкция со всех сторон была тщательно спрятана и укрыта дикой растительностью. Каждую последующую ступеньку можно было увидеть только находясь на предыдущей, а иначе – нет, ни под каким ракурсом, ни с одного места в лесу эта лестница полностью не просматривалась и, не зная точно, что она именно там, набрести на нее было невозможно, даже случайно. Сергей Павлович был прав – Карпаты бережно замаскировали свою реликвию.

Еще в лагере мы продумали в деталях, как будем спускаться.

Ребята вчетвером прочно привязали один конец толстого каната к металлической основе моста, тщательно замаскировали его вьющимися дикими лианами и ветками колючего кустарника. Другой конец каната бросили вниз – в обрыв. Тонкую веревку укрепили таким же образом. Только другим ее концом очень надежно, используя принцип морского узла, обвязали за талию первого из спускающихся. Александр заявил, что первым пойдет он. Ему никто не возразил. Идея этого похода принадлежала мне, и по – этому он считал, что должен рисковать первым.

Держась за толстый канат, Саша осторожно начал спускаться вниз. Его спортивное натренированное тело – Александр занимался греблей и баскетболом – действовало четко и размерено. Ребята вверху втроем крепко держали тонкую страховочную веревку, с каждой ступенькой ослабляя ее и все – таки следя за тем, чтобы она была достаточно натянутой. Пробираясь сквозь колючие растения, Саша расчищал ступеньки для более легкого прохода всех тех, кто пойдет за ним. Вскоре мы услышали его голос откуда – то снизу, такое впечатление, что из глубокого колодца.

– Ребята, поднимайте веревку вверх, я уже на месте.

Следующим пошел Кость. За ним по очереди – я, Иннка, Светлана и Владимир. Виктор замыкал процессию. Спускаясь, он маскировал растениями каждую предыдущую ступеньку на всякий случай, чтобы не оставить следов. Обе веревки в результате тоже оказались накрытыми зелеными ветками. Таким образом мы подготовили надежный подъем.

Когда последний из нас оказался внизу – целым и невредимым – нами овладела эйфория, радостное предчувствие чего – то чудесного. Каждое слово, сказанное кем – то из нас, казалось смешным и забавным. Все нравились друг другу, было ощущение, что мы знакомы сто лет.

– Ребята, вы верите в Бога? – неожиданно спросил Владимир.

Сначала всем показалось, что вопрос как – то не по теме, как бы немного невпопад.

– Я нет, – ответила Инка, – Бога нет, это предрассудки.

Так как она смеялась при этом, все понимали, что она уходит от ответа и не намерена говорить то, что действительно чувствует. Все остальные молчали, каждый ждал, что заговорит кто – то другой.

– Володя, а ты веришь? – серьезно спросила я.

За те дни, что я была с ним знакома, я многое узнала об этом парне. Саша мне о нем рассказал, да и сама кое – что поняла.

Владимир обладал феноменальной памятью, он очень много читал, и тот текст, по которому когда – то прошлись его глаза, сохранялся в его сознании всерьез и надолго. Он легко мог цитировать целые страницы когда – то прочитанных книг. Это было просто чем – то невероятным, я никогда раньше не сталкивалась с такими людьми. А внешне – очень неприметный, маленький, обыкновенный.

– Я да, верю, – сказал Володя, – хотя если бы об этом узнало руководство университета, меня бы исключили.

– А почему ты веришь, если не секрет? – спросила Светлана, которая, кажется, сейчас впервые обратила внимание на этого человека, хотя он практически никогда от нее не отходил, по крайней мере, когда мы собирались все вместе.

– Понимаешь, Света, это парадокс, но информацию о том, что Бог действительно есть, я извлек как раз из тех книг по философии, которые должны якобы опровергать его существование. Понимаешь, они сами себе противоречат. Я не буду сейчас читать тебе их доводы, но поверь мне на слово – они просто смешны.

– Извини, ты говоришь – читать, ты что, взял с собой книги в поход? – Светлана явно не знала о его способностях.

– Да нет, ни в этом дело. Это долгий разговор, но понимаешь, в чем дело – в атеистических философских книгах содержится бесспорное доказательство существования Бога. И я уверен, что когда – нибудь люди обратят на это внимание. А если говорить чисто по человечески, так сказать, на языке чувств – то посмотри вокруг – кто по твоему создал всю эту красоту? И если ее никто не создавал, откуда она взялась – то? Может мне это объяснить хоть один атеист мира?

Мы затихли, каждый молча любовался необыкновенным очарованием того места, куда мы попали. Глубокое ущелье ярко освещалось утренним солнцем, которое своим сиянием превращало стремительный поток горной реки, по кромке которой мы сейчас шли, в безумную россыпь бриллиантов чистой воды. Старые величественные деревья, бравшие свое начало на самом дне в узком промежутке между скалой и рекой, неистово тянулись вверх, к солнцу и достигали просто невероятной высоты. Запах хвои, воды, полевых цветов, которых здесь было в изобилии, кружил голову.

Володя был прав – все это должен был кто – то создать!

Какое – то время мы шли молча, наслаждались этим миром, каждый думал о своем.

Но нашей философской грусти хватило ненадолго.

Очень скоро настроение у ребят опять сменилось. Снова все смеялись, подкалывали друг друга, радовались этому походу как необычному интересному приключению. Виктор стащил с головы Иннки ее венок из полевых цветов, водрузил его себе на голову и бегал вокруг нее в огромных кроссовках и с двумя большими рюкзаками за плечами – своим и ее. Голова его в венке на светлых вьющихся волосах была похожа на голову сказочного херувима, зато его спортивное нагруженное тело никак не вписывалось в это изображение. Иннка налегке пыталась его догнать и снять с головы венок, но у нее это не получалось из – за высокого роста парня. Кость ржал, как сумасшедший, и давал Иннке деловые советы по возвращению ее имущества, девушка отмахивалась от него и хотела решить проблему сама, что еще больше веселило Костя.

В этот момент я увидела расщелину.

Я увидела ее первой, наверное, потому, что все остальные давно забыли о цели нашего путешествия, наслаждаясь жизнью и обществом друг друга.

Метрах в тридцати от нас река делала небольшой поворот. А почти на его уровне, чуть ближе к нам, и находилась это таинственная щель в скале. Сейчас же мы подходили к небольшой площадке, со всех сторон окруженной деревьями, которую природа как бы специально образовала для привала.

– Наверное именно здесь, на этой площадке, и лежал Захар, когда Полина обрабатывала его раны, – подумала я.

Вскоре все остальные тоже поняли, что мы пришли к своей цели.

Саша снова взял руководство на себя.

– Так, ребята, привал, здесь, я думаю, установим палатки, – сказал он.

Кость, как всегда, влез без приглашения :

– А я думал, что у нас Виктор командует парадом.

Виктор не обратил на слова друга никакого внимания и продолжал что – то говорить Иннке на ухо, что ей очень нравилось, так как выражение лица у богини было совершенно блаженным. Венок снова короной лежал на ее голове.

Светлана больше не смотрела печально на эту пару, она разговаривала с Володей вполголоса, по – моему, о чем – то очень интересном и всецело была поглощена этой беседой. Я впервые внимательно присмотрелась к этой милой девушке.

Светочка была натуральной блондинкой, у нее были короткие гладкие волосы с прической каре – идеально уложенные, несмотря на поход, светло – серые добрые глаза, рост – чуть ниже среднего и слегка заметная склонность к полноте. Полнота, впрочем, ее совсем не портила, наоборот, делала ее какой – то уютной, домашней и надежной.

Этот поход, похоже, шел девушке на пользу, потому что грусть в глазах исчезла и сменилась интересом ко всему происходящему.

– В этом месте разобьем лагерь, – продолжил Александр, дав перед этим легкий подзатыльник Костю.

Саша сбросил на землю два рюкзака – свой большой и тяжелый, с палаткой, спальными мешками и провизией и мой – немного поменьше, но довольно увесистый, по крайней мере для меня, – с теплыми вещами, пледом, туалетными принадлежностями и сухим пайком.

Когда все разгрузились и расслабились, снова заговорил Саша, обращаясь ко всем нам :

– Ребята, – начал он, – хотя у Костя и другое мнение по поводу моих полномочий, я хочу все – таки поговорить серьезно об этом нашем тайном мероприятии.

Кость было открыл рот, чтобы чтобы что – то ляпнуть, но Иннка показала ему кулак и он неожиданно сам ступевался

– Так вот, – продолжил Саша, – каждый из вас слышал историю Сергея Павловича, кто – то в нее поверил, кто – то не совсем, это понятно. Но все – таки, несмотря ни на что, я думаю, что никто из нас не должен делать никаких экспериментов, не приближаться к расщелине и тем более не входить в нее. Мы говорили об этом еще в лагере. Я понимаю, все вы – люди взрослые, и способны сами решать за себя. Это – мое личное мнение и я надеюсь, вы его разделите. Предлагаю разбить лагерь, побыть здесь пару дней, если удастся – половить рыбы и спокойно вернуться в лагерь. Расщелина в самом деле существует, в этом мы все сами убедились, спуск к ней – тоже вполне реальный и полностью замаскированный, расстояние от лагеря – около двух километров. То есть все в точности совпадает с рассказом Сергея Павловича. А проверять на себе мистические свойства этой щели в скале, я думаю, очень рискованно, чтобы не дай Бог не повторить судьбу Захара, даже если вы и не верите в эту легенду.

Мы все, включая меня, с ним дружно согласились.

– Я сделаю это так, что никто из вас даже не заметит, – подумала я, – для этого я и организовала этот поход.

****

Была уже ночь, очень похожая на ту, после открытия, когда мы услышали историю Полины и Захара. Мы почти в том же составе сидели у похожего костра, который отгорел так же, как и тогда. Только Сергея Павловича с нами не было и костер, вернее то, что от него осталось, был не так огромен, как лагерный. Мы сидели на дне глубокого ущелья и казалось, что мы семеро – одни во всей Вселенной, что никого больше нет и никогда не было, настолько отчужденным от всего мира выглядело это место ночью. Случись с нами здесь что – то – и никто не придет на помощь, потому что никто не знает о том, что это место вообще существует в мире. Никто... Кроме Сергея Павловича. И еще, естественно, кроме двух моих Ангелов, которые не послали бы меня сюда, если бы здесь нам грозила какая – нибудь опасность. Все это

говорил мне разум, а воображение и чувства рисовали фантастические, неземные картины – незнакомые и опасные.

– Как же ты собираешься войти в расщелину? – мысленно спрашивала я себя, – ведь это нужно сделать именно ночью.

– Ничего, прорвемся, – отвечал другой голос, и это успокаивало.

Сашина рука так же, как и тогда, сжимала мои пальцы, но сейчас я ничего не чувствовала. Я не всегда могу читать чужие мысли, это приходит импульсивно, независимо от меня, как озарение. Раньше я много думала о том, почему это бывает именно так и от чего это зависит. Но так как ответа не нашла, успокоилась и привыкла. Маяковский когда – то говорил: «Послушайте, ведь если звезды зажигают, значит это кому – нибудь нужно, значит кто – то хочет, чтобы они были...»

Так вот – видимо кому – то было нужно, чтобы я прочитала Лешкины мысли тогда в троллейбусе или следила за Сашиними метаниями по ночному лесу во время рассказа преподавателя. Мне казалось, что сейчас замыкался какой – то цикл, но в чем его суть пока было непонятно.

Недалеко от костра еще днем ребята поставили две палатки – одну для нас с Иннкой и Светланой, вторую – для них. Их установили очень близко одну от другой – по инициативе Александра. Он даже ночью не хотел отпускать меня далеко от себя, здесь, в ущелье, он чувствовал особую потребность охранять меня от всего. По – этому палатки стояли практически вплотную одна к другой. Днем я наблюдала, с какой настойчивостью и терпением Сашка это делал, и в душе зрело теплое чувство: а ведь это из – за меня. Я все больше и больше стала присматриваться к нему – к этому парню, так неожиданно появившемуся в моей жизни. И чем больше я к нему присматривалась, тем больше он мне нравился. Мне нравилось в нем абсолютно все: его внешность, его манера говорить, его походка, его темные волосы и черные большие умные глаза, его внимание к людям и чувство собственного достоинства. Его природный естественный аристократизм.

И еще мне очень нравилось, как Саша относился ко мне. А было это так, как будто он совсем не удивился, что встретил меня, будто мы с ним вчера только расстались ненадолго и без особой причины, а сегодня опять встретились, чтобы не разлучаться больше никогда. Он, конечно, не говорил мне об этом, но я – то знала. Моя трехлетняя тайная любовь к Алеше Полуэктову сейчас уже казалась детской и несерьезной.

И в душе, где – то очень глубоко в самом сердце появилось странное, щемящее, ни на что не похожее чувство узнавания настоящей любви, которую ни с чем не сравнишь и не спутаешь. И откуда – то пришла вдруг уверенность, будто я и сама всегда знала, что он придет, по – этому даже и не очень удивилась. Вот только сказать пока ничего ему не могла, пусть лучше он первый.

– Как ты относишься к звездам? – тихо спросил меня Саша. Мы сидели на некотором расстоянии от остальной компании и могли говорить друг другу что угодно, не будучи услышанными остальными, но только тихо, вполголоса.

– Они мне нравятся и нравились всегда, всю мою жизнь, они – высокие и величественные.

– Правда? – Он даже как будто обрадовался. – Я тоже всю жизнь наблюдал за звездами. В них есть огромная тайна, мне кажется, раньше человечество было гораздо ближе к ним, ну, знаешь, понимало и использовало с большой пользой для себя те знаки, которые посылают людям звезды с момента сотворения мира. Сейчас, правда, мы живем в другое время, когда люди больше надеются на свои собственные силы. Но и это тоже не навсегда. В мире все циклично, так всегда было и будет, пройдет какое – то время и чаша весов снова качнется. Нет

ничего такого, чего не было когда – то раньше. Люди снова придут к древнему опыту и древним знаниям, я в этом уверен. Я даже пишу об этом книгу, но сейчас, в наше время, она пока относится к жанру фантастики.

– Я смогу ее прочитать когда –нибудь? – спросила я.

– Конечно, – просто ответил Саша, как будто речь шла о вполне естественной вещи, – когда приедешь ко мне в Ленинград, я покажу тебе ее и еще кое – что из напечатанного.

Из под капюшона его куртки, которая сейчас была на мне, я только заглянула в его глаза и промолчала.

– Господи, спасибо, спасибо Тебе за него! – молча молилась я.

Ночь окончательно завладела лесом. Даже птицы притихли. Правда реку стало слышно больше, чем днем. Она была совсем рядом, свежая, благоухающая и холодная. Она напоминала о том, что ночь – тоже не навсегда, что скоро появится солнце, темнота уйдет, уйдут ночные тени и страхи, и она – река снова будет радовать своей чистотой и прозрачностью и еще – своей надежностью и вечным присутствием в этом лесу.

– Все в порядке, – говорила река, – все как всегда на своих местах, только дождись утра.

Но утра дожидаться я не стала. Когда все уснули, я тихонько выползла из палатки и, стараясь не наступить ни на что, что может произвести какой –нибудь шум, осторожно пошла в сторону расщелины. Сначала было немного не по себе, зубы стучали от ночной свежести, а может быть, от страха. Я как будто отделилась от всех и в первую очередь – от Саши, осталась одна, без его защиты, и это сейчас остро почувствовалось.

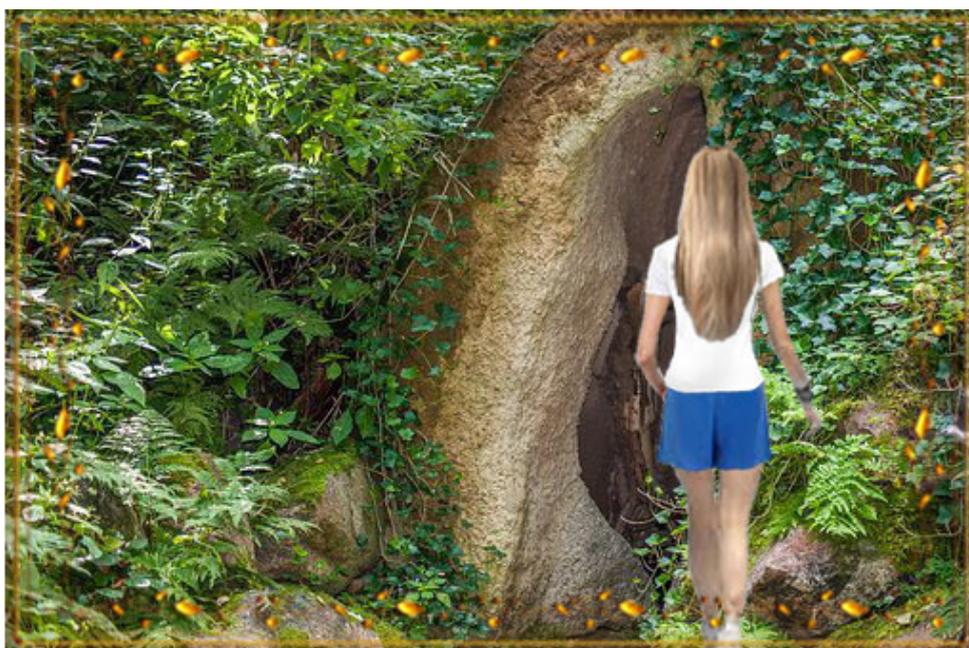
Резко захотелось вернуться в палатку, уютно укутаться в спальный мешок, уткнуть нос в подушку и уснуть. Ой, как захотелось!

– Ничего подобного, – сама себя вернула к действительности, – ты сделаешь то, зачем пришла.

И, чтобы разогнать ночные страхи, быстро начала повторять про себя слова известного заклинания: «Ангел мой, пойдем со мной – Ты впереди, я – за Тобой» Сразу полегчало.

– Вы со мной, мои красавицы? – без слов обратилась к моим помощницам.

– Здесь мы, здесь, – так же беззвучно ответили они.

Я стояла у входа в расщелину.

– Ты хорошо подумала? – спросила себя, – а вдруг там – внутри – тебе грозит какая – нибудь опасность? А что если ты никогда не сможешь вернуться назад?

– Нет никого и ничего в этом мире, что может принести тебе вред, кроме тебя самой, – вдруг пришли на ум слова моей польской бабушки, которые она часто повторяла при жизни, – потому что все, что мы совершаем здесь на земле – плохое и хорошее – направлено только на нас самих, а не на тех, для кого или против кого мы это делаем. Если твои намерения чисты – никогда ничего не бойся.

Этот довод меня убедил – и я переступила Порог.

Я вошла в густой, но почему – то светлый туман, что было странно, потому что стояла глубокая ночь. Не было никаких признаков горной местности, так как не чувствовалось спертото удушливого пещерного воздуха, который я ожидала ощутить в расщелине, да и под ногами было что – то похожее на мягкий теплый песок, как у нас на пляже в Железном Порту, и отнюдь не острые опасные камни, присущие горному ландшафту.

И самым удивительным из всего было полное отсутствие страха, даже не только страха, но и малейшего признака беспокойства. Полный и абсолютный покой, который бывает, наверное, только в раннем детстве.

Мне так понравилось это ощущение, что я пошла вперед с такой радостью и уверенностью, как будто – бы знала это место всю жизнь и по – этому не сомневалась, что оно населено только любящими меня людьми.

Чем дальше я шла, тем больше рассеивался туман, то есть я ничего пока не могла увидеть, но с каждой минутой становилось все светлее и даже стали появляться неясные контуры какого – то пейзажа, что все равно не вызывало чувства беспокойства, скорее наоборот – все более нарастало радостное предчувствие чего – то чудесного.

И вдруг в одно мгновение туман исчез и вся сказочная картина открылась целиком. Ничего более прекрасного я не видела никогда в своей жизни!

Я стояла на ровном пологом берегу реки, сплошь усеянном цветами всевозможных расцветок: виднелись ромашки, ноготки, васильки, незабудки и множество других, названия которых я не знала. Они составляли великолепный мягкий ковер. Хотелось снять кроссовки и пройти по нему босиком или еще лучше – упасть в него, раскинуть руки, вдыхать его ароматы, смотреть в небо и забыть обо всем на свете – таким покоем от него веяло.

Река – спокойная, широкая, чистая, невероятно прозрачная, так что даже издалека был виден каждый камешек и каждое растение на дне, казалось, отделяла один мир от другого, потому что то, что находилось на другой ее стороне, не было похоже ни на что, что я видела когда – нибудь раньше.

Это был совершенно невероятный город. Не было видно ни дорог, ни проспектов, ни трасс. Дома, усадьбы, дворцы и башни стояли как бы сами по себе, без какой бы то ни было связи друг с другом. Даже казалось, что некоторые из них не имеют под собой твердого основания, а висят как бы в воздухе, то есть находятся там, где больше понравилось их владельцам. И это не мешало всем этим усадьбам иметь прекрасный сад и цветник, обрамляющий основное строение со всех сторон.

Не было видно ни начала, ни конца этому городу, настолько он был необозрим и огромен, и непонятно, каким образом это происходило, но если ты концентрировал взгляд на какой – то отдельной усадьбе – она тут же приближалась, становилась идеально просматриваемой снаружи и изнутри, и ты даже видел ее обитателей и слышал, о чем они говорили.

Город был густо населен людьми... Но и люди были не совсем обычными. Все они были одеты совершенно по – разному: на ком – то была простая современная одежда, другие же были облачены в длинные старинные красивые платья, кто – то из женщин – в индийские сари, кто – то – в японские кимоно. Можно было увидеть мужчин в одежде средневековых рыцарей или солдат в военной форме эпохи Наполеона. Словом, здесь были собраны люди из всех стран мира и из всех исторических эпох. И не только: повсюду между людьми, в домах и за их пределами летали, ходили, общались с обитателями усадеб и друг с другом легкие полупрозрачные существа – Ангелы. Здесь, в этом городе, они чувствовали себя естественно, это была их среда обитания.

Через реку был перекинут серебряный мост, скорее пешеходный, потому что никаких транспортных средств я нигде не видела.

– Обитатели этих мест если и имеют какие –нибудь средства передвижения – то это должны быть кареты или дирижабли, – подумала я, – ничто другое не может вписаться в этот пейзаж.

И вдруг, как будто подслушав мои мысли, со стороны города на мост въехала легкая белая открытая карета. Единственная лошадь в упряжке тоже была белой, как и длинное свадебное платье молодой женщины, легко и привычно управляющей лошадью.

Карета довольно быстро приближалась, я понимала, что она появилась здесь не случайно и женщина имеет какое – то отношение ко мне. Но я ее не узнавала.

Наконец на этой стороне моста лошадь остановилась. Высокая стройная черноволосая женщина с очень знакомым и даже родным лицом легко спрыгнула в цветы и пошла мне навстречу, улыбаясь и протягивая ко мне руки.

– Где и когда я видела это лицо и эту улыбку? Нет, не могу вспомнить.

Тогда, не зная, что и подумать, я начала рассматривать белое платье незнакомки. А вот оно – то мне было очень хорошо знакомо.

В деревне Константиновке, в старом бабушкином доме, в ее спальне над большой кроватью с резным деревянным подголовником висел портрет моей польской бабушки в свадебном платье, с длинным шлейфом, маленькими вышитыми розочками по линии талии и лифа, и с точно – такими же – в черных волосах, уложенных в высокую прическу.

Сейчас ко мне навстречу шла женщина с портрета, только лет на десять – пятнадцать постарше.

– Бабушка Юзя, я знала, точно знала, что обязательно увижу тебя еще раз, – со слезами бросилась я к ней, не веря своему счастью.

– Ляленька, милая, как я рада, что ты здесь, – сказала бабушка и нежно погладила меня по голове, точно так же, как это бывало, когда я приезжала к ней на каникулы и она встречала меня у калитки своего дома.

– Как хорошо, что ты так легко меня узнала, – наконец, после первых объятий и слез заговорила бабушка Юзя.

– Я специально надела для этого мое свадебное платье. Видишь ли, в этом мире мы молодеем, конечно, если пришли сюда стариками, и достигаем примерно тридцатилетнего возраста. А потом уже не меняемся, так удобно, это самый лучший возраст в жизни человека. Так как ты меня молодой никогда не видела, я и решила немного принарядиться.

– Ты очень красива, бабушка, а в этом платье – особенно.

– Я рада, что ты его оценила. А теперь дай – ка я тебя хорошенько рассмотрю, мы так давно с тобой не виделись.

Она взяла меня за плечи и несколько раз повернула из стороны в сторону.

– Ну так я и думала – полная и окончательная красавица. Только вот одета несколько легкомысленно, – моя дорогая родственница с подозрением посмотрела на мои короткие шорты и уж совсем неуместные здесь белые кроссовки.

– Да, ты думаешь? – испугалась я, – А у меня больше ничего с собой нет. Что – же теперь делать?

– А делать ничего не надо, просто нужно себе представить любую одежду, какую ты только хочешь, и немного захотеть, чтобы она появилась, – и она появится. Так это работает в этом мире, впрочем, не только в этом...

Меня несколько удивили ее последние слова, что она имела ввиду?

Ладно, спрошу об этом потом.

А сейчас в первую очередь нужно было переодеться, так как на фоне бабушкиного длинного платья мой наряд, мягко говоря, совершенно не смотрелся.

Что же мне на себя надеть, – подумала я, – чтобы как – то соответствовать бабушке и в то же время, чтоб одежда не особо стесняла движения и не отвлекала меня от всего того, что я хочу здесь увидеть и узнать?

Немного подумав, я выбрала шифоновое кремовое платье с мелкими красными цветочками, туго обтягивающее талию, но с широкой юбкой, довольно длинное, но все же не закрывающее красные туфли с узким носком в стиле ретро на небольшом удобном каблучке. Мое воображение нарисовало этот наряд во всех деталях.

– А как же теперь еще и захотеть? – только успела подумать я, как сама не знаю, каким образом, вдруг оказалась полностью переодетой и даже причесанной по моде двадцатых годов. И в придачу ко всему, как бы в подарок, в руках у меня оказалась маленькая кремовая театральная сумочка той же эпохи.

– Вот это уже совсем другое дело, – благосклонно осмотрела меня бабушка, – теперь с тобой можно выйти в свет.

Она совершенно не изменилась, хоть и ужасно помолодела. Ее аристократизм и белая кость остались при ней.

Я смотрела на нее и не могла поверить своему счастью. Значит все, чему она учила меня в другом мире – чистая правда, значит смерти действительно нет и мы никогда окончательно не расстанемся со своими близкими, значит любовь действительно вечна, она только переходит из одного мира в другой, чтобы потом ты опять смог бы ее встретить в любом из миров, и так – без конца. Какой великий гениальный план! Только теперь я наконец поняла, почему бабушка учила меня никогда ничего не бояться.

– Я знала, что ты появишься, – снова заговорила бабушка, – очень редко, но эта привилегия все – таки предоставляется людям еще при жизни. Правда не всем, эту честь нужно заслужить на протяжении не одной жизни – и жизни праведной. Ты сейчас, конечно, ничего о себе не знаешь, я хочу сказать – помнишь только то, что происходит с тобой в данный момент, как большинство людей, живущих на земле. Но поверь моему слову – ты заслужила эту честь. Твое сердце полно любви, из века в век ты помогаешь людям и почти всегда – в ущерб себе. Ты всегда забываешь о себе самой, по – этому никак не можешь найти свою собственную любовь – вернее ты ее находишь и тут же теряешь. Твое сердце плачет, душа не находит покоя и ты доживаешь свою жизнь одна или еще хуже – с кем – то еще, но все – равно одна. А настоящая любовь, которая каждый раз, когда ты приходишь на землю, когда –нибудь пересекает твой путь, уходит. Так повторяется из цикла в цикл. И это несправедливо.

И вот сейчас, потому что ты услышала весть, посланную тебе несколькими Ангелами – Земными и Небесными – и потому что не побоялась последовать своей интуиции, ты попала сюда, в наш настоящий вечный Дом, раньше времени.

Сначала я познакомлю тебя с тобой самой, чтобы ты получше поняла, почему мы действительно должны любить и уважать себя, и что эта любовь не имеет ничего общего с эгоизмом. Следуй за мной.

Моя молодая бабушка взяла меня за руку и с элегантностью аристократки, хорошо знающей себе цену и не гнушающейся по – этому услужить кому – нибудь еще, подвела меня к карете и помогла подняться по ступенькам, придерживая за локоть.

Копыта белой лошади зацокали по серебряному мосту, создавая полную иллюзию детской рождественской сказки. Мы въехали на мост, и я посмотрела вниз – на реку. Отсюда, сверху, она уже не казалась такой прозрачной, наоборот, не было видно дна, река представляла собой чистейшее сверкающее зеркало. И в нем отражалась наша карета со всеми мельчайшими подробностями, а также лошадь и мы с бабушкой, но только не вверх ногами, как следовало бы ожидать, а вполне нормально, как бы со стороны или как на экране кинотеатра. Я всегда в общем – то знала, что красива, но мое изображение в зеркальной реке было просто очаровательным!

– Что – хороша? – спросила бабушка, проследив за моим взглядом. – Не удивляйся, в этом мире все мы очень красивы, потому что здесь исполняются все наши желания по малейшей просьбе. Хотя ты у меня, конечно, и на земле настоящая красавица.

Мост неожиданно закончился, река осталась позади. Мы въехали в чудесный город. Копыта лошади снова застучали, но как – то по – другому. То, что было под колесами кареты, землей назвать было нельзя, это была неизвестная мне поверхность – мягкая и гладкая, цвета золотистого приморского песка. Иногда карета с лошадью отделялась от этой поверхности и плыла как бы в воздухе, ловко огибая усадьбы и дома, планирующие в пространстве без всякой видимой опоры. Но я уже ничему не удивлялась, просто всматривалась во все эти чудеса с огромным желанием запомнить как можно больше из увиденного.

Обогнув очередное поместье, лошадь вдруг остановилась.

И неудивительно: совершенно неожиданно, казалось бы ниоткуда, появились огромные сверкающие хрустальные ворота невероятных размеров. И почва под ногами тоже изменилась – она сейчас целиком состояла из прозрачного хрусталя.

– Как странно, – подумала я, – почему ворота таких размеров не были видны раньше, ведь они намного больше, чем все остальные строения, которые мы проехали до этого.

– Ничему не удивляйся, – прочитала мои мысли бабушка, – визуальные эффекты здесь другие, чем на земле, да и представление о пространстве, как кстати и о времени, тоже несколько отличаются от тех, к которым ты привыкла. Но об этом не сейчас.

Лошадь двинулась дальше, и очень скоро мы оказались у самих ворот.

Это въезд в Пространство Хрустальных Дворцов, – снова заговорила бабушка Юзя. – А сейчас смотри очень внимательно, потому что это самое священное место во Вселенной, можно сказать – ее Сердце.

– Здесь живет Бог? – шепотом спросила я.

– Да, если иногда он хочет показаться нам, – то это происходит именно здесь.

Я вдруг подумала, что ошиблась в выборе платья, сейчас оно казалось мне слишком простеньким и незначительным. Да и я сама показалась себе слишком незначительной для такого величественного места.

Хрустальное пространство было необозримым. Я увидела огромные полупрозрачные Дворцы на очень большом расстоянии друг от друга. Дворцов было четыре. К каждому из них с четырех сторон вели белые мраморные ступени, которые подвели к четырем одинаковым хрустальным дверям невероятной высоты и ширины. Все эти двери прекрасно просматривались с того места, где мы сейчас находились, и я не имела понятия, каким образом это было возможно. Это шло в разрез со всеми моими знаниями по геометрии.

Четыре входа с четырех сторон света и четыре лестницы, ведущие к ним, а также материал, из которого они были сделаны, – был одинаковым у всех четырех Дворцов.

Все остальное – совершенно разным. Эти невероятные величественные сооружения отличались друг от друга своей архитектурой: два из них были выполнены в готическом стиле – тонкие, стремительные, уходящие ввысь. Остальные два – развернутые и вальяжные – напоминавшие русские православные церкви или мусульманские молитвенные дома. Помимо этого каждый из Дворцов имел свой, отличный от других, едва уловимый цветовой оттенок, который был добавлен в хрусталь талантливой рукой великого Художника. Купола и прозрачные колонны, обрамлявшие Дворцы со всех сторон, тоже были разными.

– Сейчас мы с тобой войдем во Дворец Мудрости, – сказала бабушка и указала рукой на самый величественный из Дворцов. Он отличался от остальных своими размерами – был самым большим из всех. Кроме того его огромная крыша, сделанная, как и у всех остальных, из хрусталя, представляла собой невероятное количество православных куполов, разных размеров и на разных уровнях, с одним большим – центральным, уходящим высоко в небо, если можно было так назвать то, что находилось над головой. Дворец светился золотым сиянием, исходящим изнутри.

– Мне кажется, я недостаточно хорошо одета, да и вообще у меня такое чувство, что нужно быть по меньшей мере королевой, чтобы решиться войти в эту хрустальную дверь.

– Вот видишь, это – как раз то, о чем мы с тобой только – что говорили. Тебе явно не хватает любви к самой себе. Каждая душа достойна самого лучшего и этот Дворец, как и все остальные вещи во Вселенной, специально создан для того, чтобы сделать тебя и любую другую, такую – же, как ты, более счастливой. Пойдем, я наконец познакомлю тебя с Тобой.

Мы с бабушкой поднялись по ступеням Дворца Мудрости, что заняло у нас довольно много времени, и оказались у хрустальных дверей.

– Вперед – ничего не бойся, – сказала моя покровительница.

Я легонько дотронулась до необозримой прозрачной двери и она открылась сама с необыкновенной легкостью.

Мы вошли во Дворец. Он внутри казался еще более громадным, чем снаружи. Я подняла голову вверх – ну да, я так и думала – все купола были полыми изнутри. В хрусталь было

добавлено золото и потолок над головой был похож на сплошную сверкающую люстру с подвесками из драгоценного металла, которой не было видно конца.

Здесь, внутри, тоже было много высоких колонн, но все они были золотыми.

– От них идет наружу это легкое свечение, – подумала я.

Мы шли по Дворцу, и каждый наш шаг эхом откликался отовсюду, ударялся о хрустальные стены и превращался в мелодичный церковный перезвон. Мы были здесь совершенно одни.

Бабушка подвела меня к белой двери, спрятанной за колонной, которую я вначале не заметила.

– А сюда ты должна войти одна, – сказала она.

****

И тогда я вошла в огромный белый зал. Зал был абсолютно пуст, но не был от этого менее прекрасен. Его блестящий отлакированный белый пол, казалось, светился изнутри. Стены тоже были белыми и без окон, единственным их украшением была причудливая лепка под самым потолком, которая создавала иллюзию довольно широкой кружевной белой отделки ручной работы с изысканным вплетением в нее золотых тонких нитей.

В самом центре зала стояло высокое кресло и в нем, положив голову на скрещенные на одном из подлокотников руки, спал белый Ангел. Изгиб его тела был прекрасен, длинные белые волосы полностью закрывали лицо, падали вниз, почти до пола, и перемешивались со складками великолепного платья. Перышки двух его небольших крылышек, казалось, тоже спали, неподвижно лежали на спине, умиротворенно и расслабленно.

От Ангела исходило нежное неяркое сияние, но именно оно почему – то ярко освещало весь зал, так как другого источника света здесь не было.

– Оказывается, Ангелы тоже умеют спать, – подумала я.

Но видно сделала я это очень громко, так как от моей мысли Ангел проснулся, поднял голову, отбросил волосы с лица и внимательно посмотрел на меня. Свечение, исходящее от него, усилилось.

– Да, моя дорогая, – сказал мне Ангел знакомым голосом Эстефании, потому что это была именно она, – можешь себе представить, мы тоже умеем и любим спать, только делаем мы это не так часто, как вы.

Я остолбенела :

– Но ведь мне сказали ... – начала говорить ей я.

– Я знаю, что тебе сказали, – перебила меня моя давняя знакомая, – и поверь мне – тебя не обманули. Я действительно твоя Душа, твое высшее Я, твоя часть. Такой ты становишься, когда возвращаешься сюда, домой, из долгого путешествия.

– Но почему же в таком случае нас сейчас с тобой две – ты и я?

– В этом нет ничего удивительного, ты сейчас пока что не окончательно вернулась, а просто зашла погостить по вашим понятиям на пару часов.

– Тогда получается, что там, в другом мире, ты – не мой Ангел – Хранитель? Я почему – то была уверена, что это именно так.

– Но почему же, – запела – заговорила Эстефания, – я именно твой Ангел – Хранитель и это абсолютно нормально. Я часто охраняю тебя от неприятностей при помощи интуиции, а если ты по какой – то причине не желаешь ко мне прислушаться – тогда я просто выхожу на прямой контакт с тобой, ты же знаешь.

– Да, знаю. Только я не совсем понимаю, как это возможно, что мы с тобой одно целое, как ты говоришь.

– Сейчас, когда ты еще продолжаешь жить на земле, ты не сможешь этого понять, как бы не пыталась. Но вот когда ты снова вернешься сюда после окончания твоей земной жизни, тебе даже не нужно будет ни у кого ничего спрашивать – ты вспомнишь все сама. Тонкая завеса, которой закрыта сейчас твоя память, спадет и ты снова поймешь, что ты многогранна и состоишь из многих сущностей. Но сейчас не будем говорить об этом, это слишком сложно для тебя. Достаточно и того, что ты познакомилась со мной – настоящей.

– Да, это действительно очень сложно и я не могу этого понять. Тогда ответь мне на еще один вопрос, я давно хотела тебе его задать: почему не все люди обладают такими – же способностями, как у меня?

– Это длинная история, чтобы ответить на этот вопрос, я должна познакомить тебя чуть ли не с развитием человеческой расы со времен ее возникновения.

В двух словах скажу только одно – когда – то все люди имели твои способности, они могли свободно общаться с миром духов, просить у нас совета и защиты. А потом человечество сбилось с пути, посчитало себя умнее нас и отказалось от нашей помощи. Но так как мы уважаем каждое ваше решение, потому что все вы без исключения такие – же прекрасные Ангелы, как и ты, мы вам позволили это сделать, мы разрешили вам жить своим умом.

– Тогда почему же я являюсь исключением?

– А это опять – таки свободный выбор. Это у тебя в крови, ты же знаешь, твоя бабушка тоже обладала такими – же способностями и не только она. Ты принадлежишь к родо-

вому клану, который никогда не менялся, который не захотел подчиниться общему безумию и из воплощения в воплощение шел своим собственным путем.

– Так я уже приходила на Землю и раньше? – спросила я, так как совсем недавно думала об этом в результате какой – то истории, услышанной совсем недавно, и которая сейчас от меня почему – то ускользала.

– Бесчисленное множество раз – в разных странах и в разных исторических эпохах.

– Эстефания, милая, не могла бы я хоть что – то узнать о моих предыдущих воплощениях, ну хотя бы о последнем, у меня такое чувство, что это почему – то очень важно, – попросила я моего Ангела

– Да, моя дорогая, это действительно важно, вот видишь, твоя интуиция тебя не обманывает. Но пока не торопись, узнаешь обо всем чуть позже.

Белый Ангел стал растворяться и таять на глазах, точно так же, как она это делала в моих снах. У меня была еще тысяча вопросов к ней, но я знала, что время нашего общения всегда контролирует только она и сделать с этим ничего невозможно.

****

Я проснулась, как от удара, на своем месте – в палатке – со всех сторон укутанная в спаль- ный мешок.

– Так это был всего лишь сон, – разочарованно подумала я, – я все – таки бессовестно проспала и упустила уникальную возможность. Неужели все в пустую – идеально продуманный поход, целая череда совпадений для его воплощения в жизнь, помощь во всем моих Ангелов – и все зря по моей вине! Господи, как жаль, как ужасно жаль.

Я расстегнула спальный мешок и села, не выходя из палатки.

Светало... Было уже, наверное, около шести. Сейчас уже поздно, в любой момент проснется кто –нибудь из ребят.

Как – то неудобно сидеть, да и ноги непривычно сжаты. Неужели я не сняла кроссовки перед сном?

Первое, что попало мне на глаза – маленькая кремовая сумочка рядом с моей подуш- кой, затем я полностью освободилась от спального мешка и только после этого решила- ся посмотреть на то, в чем я спала. Шифоновое тоненькое платье было слегка примято, крас- ные туфельки туго сжимали разбухшие ото сна ноги. И рядом со спальным мешком у моего изголовья лежали аккуратно сложенные шорты и футболка, чуть в стороне – белые кроссовки. Ничего не понимая и пока ничего не анализируя, я быстро начала переодеваться, пока никто не проснулся. Затем снова легла на подушку и начала думать.

– Чудо, то, что со мной произошло этой ночью – настоящее чудо, такого просто не бывает, с моей головой, наверное, что – то не в порядке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.